

18+

Ванин Глеб
Астения

Глеб Александрович Ванин

Астения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34328793

SelfPub; 2018

Аннотация

Максим не стремится к завоеваниям и славе. Он потерял себя в "современности". В бесконечном потоке смыслов он желает отыскать Смысл. Все, чего он хочет – получить возможность быть собой.

Глеб Александрович Ванин

Повесть «Астения»

I

Максим Сергеев проснулся позже чем обычно. После пробуждения он еще долго лежал в кровати и отрешенно смотрел в потолок. Казалось, он совершенно не торопился встать. Было уже 11:30, когда Максим посмотрел время на телефоне. «Что они там подумают?» – спрашивал он себя, по-прежнему лежа в кровати. Максим не вышел сегодня на работу, и мысль об эффекте, там произведенном, забавляла его. Прележав еще около получаса, Максим неспешно начал подниматься.

Он прошел на кухню и, приготовив кофе и яичницу, сел завтракать. Сидя за столом, Максим размышлял о предстоящем дне. Сегодня у него нет времени на работу. Сегодня особенный для него день, ему нужно решиться на важный шаг, который определит его дальнейшую судьбу.

За последние семь месяцев, что Максим работал в колл-центре одной крупной сотовой компании, это был его первый прогул. «Как не вышел? – представлял Максим Семенова, начальника смены, который был едва старше него, – да он у меня без премии останется». Максим не понимал таких людей, как Семенов, они жили исключительно работой и не имели помимо нее никаких интересов. Вся их жизнь

строилась вокруг исполняемой ими функции и была придатком работы. Они видели себя только в качестве сотрудников: Оператор Иванов, кассир Жирков...

Зазвонил сотовый, прервав ход его мыслей. Максим не отвечал, поскольку звонили с работы, а он был не в настроении что-либо объяснять. Максим ненавидел работу. Работа *забрала* его жизнь, она держала его привязанным к месту, загруженным бессмысленными обязанностями. Его давили эти люди, их разговоры, мысли, он не хотел признавать распорядок, но не мог ничего поделать. Он был *вынужден* работать. Максим мечтал покинуть это место и никогда туда не возвращаться.

Он протянул к себе стопку листов, лежащих на столе, и, медленно вытаскивая их из файла, начал перечитывать текст, который вчера написал. Он недавно преступил к работе над книгой (или рассказом, он пока еще не знал точно, он колебался между рассказом в форме дневника или публицистикой). Вчера Максим написал то, что, скорее всего, будет введением:

«Контекст

Мы нигде, мы рождены в пустоте. Мы единственные существа, осознающие эту пустоту. Она нам неприятна и чужеродна. Но мы слишком хорошо ее осознаем, чтобы не задавать вопрос: «Зачем?»

Вопрос о смысле жизни не дает покоя человечеству уже на протяжении тысячелетий. С самого начала истории до

наших дней люди находятся в поисках Смысла жизни, нужного им для нормального продолжения жизнедеятельности. Чтобы продолжать жить, для начала надо установить, для чего жить. И, несмотря на то, что многое указывает, что конечного смысла во вселенной нет и жизнь в целом бессмысленна (в том виде как мы понимаем смысл), люди не сдаются и по-прежнему продолжают поиски. Люди вопросительно смотрят на мир и ждут знака или сигнала, который указал бы дорогу к Правде или наставил на путь истинный. Примириться с фактом, что мир может быть бессмысленным, и принять во внимание, что сами понятия «смысл» и «цель» по сути своей людские, они не в состоянии.

Возникает вопрос, почему мы вообще верим, что Смысл существует? Мне представляется, что стремление к смыслу и пониманию – неотъемлемая часть человеческой природы. Мы чутки ко времени, мы знаем свое начало и свой конец. Жизнь – история, логично, что у нее должна быть цель. Но поскольку нам не даны ответы, а существуют только вопросы, и мир функционирует по неизвестным нам законам (а по законам ли?), мы придумываем способы, как ответить на наши вопросы.

В мире без Смысла люди занимаются выстраиванием механизмов по созданию смыслов. Вместо каждого отдельного человека, ищущего свой собственный смысл, мы создаем смыслы вместе, как единый организм. Существует наука, религии, общество, государство и философские концепции,

все они образуют один большой контекст и создают почву для рождения смыслов. Проблема в том, что смыслы, возросшие на этой почве, лишены подлинности и абсолютности, поскольку созданы искусственно.

Цивилизация – самый масштабный из контекстов. Она – ответ всего человечества в целом на вопрос о смысле жизни. Таким образом, цивилизацию можно рассматривать как один из основных контекстов, внутри которого рождаются человеческие смыслы, идеи, интерпретации жизни. Она создана для укрытия от безмолвного мира, не отвечавшего на запрос человека, на смысл. Однако все эти идеи потеряли бы свое значение вне цивилизации, то есть вне своего контекста.

Контекстуализация – основной метод нашего мышления, применяемый для создания смыслов. То есть, для понимания реальности мы придаем ей контекст, внутри которого появляется сама возможность «понимать», интерпретировать. Контекст позволяет классифицировать, упорядочивать и трактовать окружающую реальность. Все наши представления о мире базируются на выводах, рожденных в том или ином контексте.

Существуют принципы, без которых даже создание контекстов было бы не возможно. Наше знание основывается на следующих постулатах:

Мир понимаем объективно. И как следующие из этого утверждения: Истина существует, и она в пределах челове-

ческой досягаемости.

В этом мире человек занимает особое положение и является «венцом творения». Только ему под силу познать мир.

История – последовательность, развитие, движение в определенном направлении. У нее есть начало и конечная цель. Все, что происходит, имеет причину и может быть объяснено.

Проверить справедливость приведенных выше высказываний не представляется возможным. Они догмы, ставя под сомнения которые, ставится под сомнение сама возможность создания связанной картины мира.

Мы существуем в контексте, который сами же придаем этому миру. Все наши действия осуществляются и имеют смысл только благодаря контексту. Он фундамент нашего знания; совокупность предположений о нас и окружающем нас мире, которые определяют нашу жизнь. Выход за его пределы невозможен, без него мир снова станет пустым. Исчезнут история, философия, политика.

Без контекста мир представляется хаотичным сочетанием явлений и событий, не поддающимся пониманию. Только через контекст мы определяем ценность вещей, придаем смысл поступкам и интерпретируем значение явлений. Только внутри него возможны такие, основополагающие для нас понятия, как «Реальность», «Правда», «Смысл». Для понимания нам нужно контекстуализировать.

История, например, – контекст, с помощью которого

можно интерпретировать человека. В этом случае мы можем объяснить действия людей Историей. Мир из хаоса превратится в понимаемый, подчиняющийся определенным законам процесс. Жизнь каждого отдельного человека не будет рассматриваться независимо, со всеми ее сложностями и особенностями, а станет цепочкой в Истории и обретет свой смысл и значение исключительно в качестве этой цепочки.

Контекст используется не только в глобальных масштабах, но и в повседневной жизни. Взять, например, мой дом. Он является моим только в случае, когда существует само понятие «обладания». Для того чтобы «иметь», должен присутствовать некоторый набор понятий и явлений в социальной жизни человека. Во-первых, должно существовать понятие частной собственности, для которого, в свою очередь, также нужны определённые условия. «Право» – одно из таких условий. Для него нужно «правительство», для которого нужны существа, достаточно разумные для понимания концепта «правления» и так далее.

Таким образом, мы живем в бесконечной цепочке концептов, каждое последующее звено которой, не может существовать без предыдущего. Если убрать хотя бы одно звено из этой цепи, изменится значение всех последующих звеньев.

Каждый отдельный человек рождается уже в определенный контекст. Он будет расти, взрослеть, а не становиться. Он пройдет путь, а не проложит его. Другими словами,

концепт «Человек» уже существует до того, как каждый отдельный человек рожден.

В нашем случае имеются два вида контекста: культурный и физический. Физический контекст – это, по большому счету, законы физики. Гравитация, скорость света, факт, что мы Люди, один из видов животного мира, все эти факторы несут за собой определённые ограничения и во многом определяют нашу жизнь. Физическая реальность является первым звеном в цепи, она фундамент всего сущего, без которого невозможно было бы ничего представить. Из физической реальности произрастает все остальное, она – шахматная доска, на которой происходит действие.

Второй и наиболее важный для нас контекст – культурный. Он включает в себя (но не ограничивается): историю, политику, экономику, общество, литературу и философию. Культурный контекст затмевает собой физический, всю жизнь мы проводим внутри этого контекста. Если продолжить аналогию с шахматами то культура – правила игры; набор возможных ходов и комбинации. Быть «честным», «успешным» или «верным» можно только на пространстве с расставленными ориентирами, через которые можно оценивать себя и окружающий мир. Мы настолько уверовали в культуру, что уже воспринимаем ее как что-то неотделимое от физической реальности. Через культуру мы взаимодействуем с Вселенной, пытаемся найти свое место в ней и интерпретировать ее и свое назначение.

Большинство людей воспринимает себя не как часть природы, а как часть культуры. Человек видит себя пешкой или ладьёй (инженер, христианин, отец и т.д.), а не материалом (вид *homo sapiens*), из которого сделан. Отсюда также следует, что тот, кто контролирует культуру, контролирует человека. Сегодня культура формирует человека, а не наоборот.

Культура, взятая вместе с определённым историческим моментом, образует то, что я называю ситуацией.

Ситуация – культурный контекст с особенностями, присущими конкретному историческому периоду. Ситуация – это совокупность правил, убеждений и ритуалов, внутри которых человек вынужден существовать.

В течение своего развития общество меняет законы, по которым существует. Каждый такой период я называю ситуацией, то есть, конкретным периодом в истории, в котором человек рождается и формируется. У каждого из нас своя ситуация или как минимум у каждого поколения. Человек, рождённый в Древней Греции, нашёл бы мало точек соприкосновения с современным европейцем. Или человек из племени охотников-собирателей кардинально отличался бы от мусульманина из Средневековья. Каждый из них был бы сформирован своей ситуацией, их нельзя было бы воспринимать как независимых индивидуумов, они продукты своей конкретной ситуации. Само их мышление, самосознание и мировосприятие были созданы обстоятельствами

конкретного исторического момента.

Таким образом, мы находим себя не в мире свободы и созидания, где каждый сам устанавливает правила своей жизни, а внутри уже сформировавшихся моделей поведения. В течение своей жизни мы приобретаем соответствующую нашему историческому моменту и социальному статусу модель поведения. Все наше существо определяется факторами, от нас не зависящими.

В современном мире Экономика, СМИ и Государственный аппарат являются главными факторами, управляющими жизнью людей. Они играют роль ориентиров, задающих направление человеческой жизни. Мне также представляется, что современность являет собой один большой кризис контекстов. Все больше и больше людей разуверились в старых контекстах и не видят смысла в продолжении жизни по старым канонам.

Однако контекст невозможно уничтожить, он постоянно трансформируется и видоизменяется. В процессе кризиса появятся новые идеи и способы понимания мира. Они не будут верными или ложными; ближе или дальше от Истины, чем предыдущие. Они будут новыми. Люди откажутся от прошлого и продолжат двигаться дальше, с новой верой и надеждой на будущее.

Культурный контекст, определяя границы мысли, во многом сужает мир. Человек теряется внутри его и не может сформироваться независимо. Культура формирует

индивидуума, «подгоняя» его под свои стандарты «человека». Она позволяет трактовать личность, мир, историю только с определенных позиций. Она не берет в расчет все неизвестные и основывается на том, что в данный момент считается Правдой.

Как же отыскать себя среди всего этого?

Всю свою жизнь я мечтал вырваться из контекста, добраться до источника всего и увидеть мир таким, какой он есть. Я хотел достичь чего-то божественного или трансцендентного, преодолеть преграды, на которые наталкивалась моя мысль, вырваться за пределы условностей. Я хотел превзойти идею человека, в которой вынужден был существовать, подняться над миром объектов, временем и своей ограниченностью. Человеческая реальность была слишком узкой и искусственной. Мне нужно было выйти за пределы культурного «Я», за пределы истории и пределы человечества, противопоставить себя обстоятельствам, какими бы непреодолимыми они не казались. Я считал, что за контекстом кроется Свобода. Я нуждался в новых контекстах и смыслах, которые бы дали цель моей жизни, которые освобождали бы человека, а не заковывали в цепи Идей и Идеологий.

Мне до сих пор не удалось этого сделать, задача слишком серьезная. Как сильно я ни старался, чего только не предпринимал, я всегда возвращался к себе, в свою бесконечную субъективность. Я создавал свой контекст, основанный на

предыдущих идеях и учениях, новый контекст не означает правильный контекст. Я не смог найти ни одной вне контекстной вещи и увидеть ее, как она есть. У меня также не получалось примерить свои теории и Быт. Я хотел просвещения, метафизики, свободы, вневременности, а был вынужден жить в обыденности и рутине.

Контекст подавлял меня своим объемом и вездесущностью. Я видел мир исключительно в том качестве, в котором он существовал для меня. Я воспринимал мир через язык и видел слово (концепт), а не саму вещь. Мое мышление не могло быть источником объективного знания. Я мыслил только в контексте своего собственного существования. «Я» было лишь звено, замкнутое в самом себе и в бесконечной цепочке контекстов. Звено, которое не может знать назначения всей цепи».

«Сухо», – подумал Максим, закончив читать. В следующих главах он попробует добавить больше эмоций и показать, как он сам уживается в контексте.

Максим не торопясь продолжал свой завтрак. Он был абсолютно спокоен, «здорово хоть иногда быть собой, просто взять и не пойти на работу». Только одиночество давало ему возможность побыть собой. Не нужно было торопиться на остановку и ждать светофора, затем жаться к таким же несчастным в автобусе и бежать сломя голову к месту работы, с надеждой, что не оставил пропуск дома. Помимо нелепости, в этой беготне было еще что-то унижительное: слива-

ние с толпой, спешка, обязанность явиться ко времени. К счастью, сегодня не до этого, никто не потревожит Максима. Утро принадлежало только ему.

«Работать». Было что-то в этом слове принижающее достоинство, что-то, чего Максим не мог принять и что не давало ему нормально продолжать жить. Работа унижает, этим все сказано. Насколько ему известно, Сократ не работал, следовательно, человек не должен работать. Просыпаться когда тебе говорят, делать что тебе говорят, притворяться, а главное, думать, как тебе говорят. Следовать указаниям других было хуже любого наказания для Максима. Далеко не так он представлял себе жизнь. Для него жизнь – поиск, путешествие, бесконечная загадка и прежде всего Свобода. В то время, как ему казалось, что с него требовали или продавать, или покупать. Всё его существо низвели до одной из этих функций. Вместо бесконечной загадки он оказался на бесконечном рынке, где сам человек был всего лишь одним из бесконечного множества товаров. Общество занималось производством таких, как он, товаров, безликих и безыменных, штука за штукой, копия за копией. В этом обществе не место Сократам, то есть свободным людям.

Всю свою жизнь Максим делал то, что от него требовалось, подстраивался под внешний мир. Год за годом, день за днем протекали по спущенному на него сверху распорядку. Только поздним вечером (или утром, как сегодня), Максим имел возможность быть самим собой, когда ничто не могло

его потревожить, расписание больше не действовало, никто не мог ворваться в его внутренний мир. Обычно он проводил вечера, читая книги, впоследствии он начал писать свои собственные. Одиночество дарило ему долгожданный покой и умиротворение.

Дневная же жизнь проходила в стенах всевозможных институтов: Школа, Армия, Колледж. Он жил по расписанию, питался, чем его кормили, делал то, что было прописано по распорядку, носил вещи, подходящие по дресс коду. Он был гражданин, избиратель, подчиненный. Ему дали номер, только не двузначное число, как предрекали анти-утописты двадцатого века, а десятки номеров и документов: телефон, паспорт, страховка, банковская карта, список можно продолжать бесконечно. У него брали кровь, его взвешивали и измеряли рост, он стоял в очередях, сдавал тесты на алкоголь и наркотики. Он мог обсуждать только ограниченное количество тем и выполнять простейший алгоритм действий. В системе, частью которой он был и внутри которой был рожден, ему была выдана определенная роль, обязательная для исполнения.

Максим ненавидел Систему, в которой был вынужден существовать. Ему все время нужно было подстраиваться, приспособливаться и подчиняться. Он изначально, самым фактом своего рождения, находился в состоянии подчинения. Несправедливость и неравенство – основные характеристики системы. Максиму казалось, он был приговорен к пожиз-

ненному заключению в стенах системы, ему было невыносимо тяжело существовать в этих рамках.

Максиму не хватало времени, чтобы жить. Жизнь проходила где-то в стороне, пока он был занят общественными пустяками. На все его вопросы были готовы ответы, да и сами вопросы казались лишними. В связи с этим внутри него родилось чувство неудовлетворения, сопровождавшее его всюду. Его жизненная энергия подавлялась и направлялась в ложное, по его мнению, русло. Он жил как бы не своей жизнью, он не мог раскрыться и быть собой. Чем бы он ни был занят и что бы ни делал, его внутренний мир и внешние обстоятельства находились в постоянном столкновении. Эта борьба забирала слишком много внутренних сил, она поглощала его и не оставляла времени, чтобы жить и наслаждаться жизнью. Сегодня он решил порвать с этой жизнью. Невыход на работы был первым шагом в этом процессе.

Максим поднялся из-за стола, нужно было собираться, несмотря ни на что, нельзя было просто просидеть весь день, не выходя из квартиры. «Нужно сначала навестить родителей», – думал он, – «а там... там видно будет».

II

Перед выходом Максим взглянул на себя в зеркало. Высокий, худощавого телосложения, с широкими плечами, он стоял перед зеркалом, разглядывая свое отражение. Из-под широких бровей, доставшихся ему от отца, на него смотрели голубые глаза и ничем не примечательное лицо, разве толь-

ко немного большой нос. Русые волосы средней длины так и торчали не причесанные, на щеках легкая щетина примерно трехдневной давности. На нем были синие джинсы и серая кофта с высоким воротником. Максим взял расческу со стола и принялся зачесывать волосы набок. Завершив процедуру и взяв ключи с тумбочки, он вышел из квартиры.

Закрывая дверной замок, он услышал соседа по лестничной клетке:

– Здорово, сосед! – чересчур оживлено, хотя и в привычной для себя манере проговорит тот.

– Здравствуйте, – Максим кивнул ему в ответ и сразу начал спускаться по лестнице, явно стараясь избежать разговора. Этот сосед совсем недавно заехал в дом, и сам начал здороваться. Максим знал остальных соседей в лицо, но ни с кем не больше не здоровался.

Максим жил в этой квартире уже третий год. Однушка в старой советской пятиэтажке, расположенная в спальном районе города П., принадлежала его бабушке. До того как он сюда переехал, бабушка сдавала ее. Но поскольку Максиму с родителями (или наоборот) было невыносимо продолжать жить, они приняли решение о его переезде сюда.

В последнее время Максим редко навещал родителей. У него с самого детства были сложные отношения с ними. Отец – простой водитель, мать – медсестра, Максим совершенно не был на них похож. Их образ жизни всегда был для него чужд. С раннего детства он хотел от них большего, чем они

могли ему дать. Не найдя в родителях нужных ему интеллектуальных качеств и авторитета, Максим обернулся за наставлениями к книгам. Примерно с четырнадцати лет его воспитанием занимались книги, которые он брал в местной библиотеке. Максим мог неделями не выходить из дома, читая дни напролет. Книги дали Максиму перспективу, познав которую, ему было нескончаемо сложно жить в своей реальности. Серое, примитивное и пустое настоящее, представляющее собой быт и обыденность, и насыщенная, глубокая вселенная книг, представляющая трансцендентность, вневременность. Максим не мог примирить эти два мира. Он хотел прибывать во втором мире, но обстоятельства вынуждали жить в первом.

Максим был рожден в рабочей среде, он рос среди водителей, строителей и разнорабочих. Он просто не понимал, как люди, его окружавшие, могли смириться с их положением в жизни и, что хуже всего, видимо, даже не осознавали это. Они не знали и не хотели знать другой жизни. Они жили как в тумане, бездумно исполняя свои роли. У них не было запросов и стремлений, все их интересы не распространялись дальше спорта или телевидения. Всю жизнь они проводили в нужде, в мыслях о спасительном рубле, зависимые от обстоятельств, не имея и малейшего шанса на выход из своей ситуации. Казалось, вся система была устроена против них. Рождённый ползать летать не может.

Для Максима это была не жизнь, а пародия на нее. Ему

хотелось подлинности, правдивости и независимости. Свобода духа и мысли были его идеалами, однако этим понятиям тут не было места. Со временем он все больше изолировался от своего окружения.

Он мысленно винил родителей за то, что они, не подумав, привнесли его в этот мир. «Как эгоистично, – думал он, – было со стороны родителей иметь ребенка и ждать, не только ждать, но и требовать от него следовать по их стопам». Он был их маленькой копией, которой суждено вырасти, чтобы занять их место в Игре.

Максим никогда не имел постоянной работы, он просто не мог работать. За свою жизнь он сменил все доступные для него профессии. Он был официантом, грузчиком, продавцом-консультантом, экспедитором. Нигде он не мог продержаться больше полугода. Работа шла вразрез с его характером, он не желал подчиняться и не мог позволить собой командовать.

«Наемный труд – преступление против человеческого достоинства» – часто говорил он. Работая на кого-то, он всегда считал, что его эксплуатируют и используют. Его жизненные силы и энергия направлялись только на зарабатывание денег, даже мысль об этом казалось Максиму унижительной. У него самого были планы на себя, ему хотелось распоряжаться своим временем, как он сам того пожелает. Максим надеялся посвятить свою жизнь чему-то большему, однако на его пути к независимости стояли общественные институты.

Чтобы прорваться к свободе, нужно было для начала устранить механизмы общественного контроля.

Максим мечтал посвятить свою жизнь литературе. Два года назад он опубликовал два рассказа в одном литературном журнале. С тех пор он вынашивал план написать книгу, ту самую, что станет его *magnum opus*, опишет его жизнь и позволит ему высказать свои взгляды. Однако ему катастрофически не хватало времени, чтобы писать, он или работал или искал работу. Максим начал писать около семи лет назад, когда ему было двадцать лет, большинство его работ так и остались неопубликованными.

Письмо было его формой бунта. Бунтом выражалось его существо. Во-первых, Максим бунтовал против жизни и обстоятельств. Ему казалось, он был вброшен в модуль жизни, при котором от него требовалось соблюдать «этикет» и следовать определенному устою поведения. Максим ненавидел этот модуль, он не давал ему развиваться и не позволял жить. Максим был вынужден действовать, думать и выживать внутри этого модуля, задача которого – подчинить себе существо Максима. Он всеми силами хотел вырваться из модуля и жить свободно.

Правящий класс для извлечения наибольшей выгоды из населения посредством СМИ и пропаганды всячески насаждает этот модуль на обывателей. Всю жизнь Максим искал способ пробить брешь в пропаганде. Этот бесконечный, 24/7 цикл новостей, ссылок и лайков. Единственной доступной

Максиму формой протеста было письмо. Максим собирался привнести в цикл частичку настоящего, для этого он начал писать. Он хотел бросить вызов Системе и возможно даже попытаться ее уничтожить. Максим бунтовал против общественного строя, против конформизма и механистичности общественной жизни. В обществе не было человечности, трагедии и хаоса, не было души и эмоций, Максим, своим письмом, хотел привнести эмоции обратно в жизнь.

Во-вторых, Максим бунтовал против смерти. И даже не смерти как таковой, а самого мироздания. Он пылинка, насекомое, клетка, пытающаяся противопоставить себя Вселенной. Он ничто в сравнении с ней, она как цунами навалилась на Максима, задавив его своей массивностью. Он лишен лица, права на автономность, он часть Истории, часть мирового процесса и ничего больше. Он не хотел быть частью, он хотел быть собой, неповторимой и не выразимой ничем сущностью. Сущностью, что выше обязательств и общества. Смерть была его врагом номер один, она угрожала стереть его с лица земли, обратить в Ничто. Смерть вычеркнет его из Вселенной, не оставив ни малейшего упоминания. Безмянный и забытый, он утонет в веках. Письмо позволяло запечатлеть мгновения жизни, свидетелем которых он оказался. «Переложение» на бумагу себя и этих мгновений давало ему иллюзию бессмертия, презервации. Максим надеялся, что книги переживут его и что, возможно, их будут читать через сто или двести лет после его смерти. Эта мысль

немного успокаивала его. Его творчество и вся его жизнь были борьбой со смертью, временем, обстоятельствами

Ему хотелось, выразив себя хоть что-то противопоставить смерти и оставить след после себя. Максим хотел выразить себя на бумаге, свое одиночество и отчужденность. Письмо родилось от страдания. Максим страдал от ненужности, от невозможности найти себе место, от одиночества, от бессмысленности своей жизни. Он навсегда один, непонятый близкими и самим собой, он не верит в реальность мира и в ценность своей жизни. Он хочет вытолкнуть эти эмоции из себя обратно в мир и взамен получить облегчение и спокойствие. Ему всегда тревожно, он не на своем месте. Письмо на мгновения выносило его из материального мира, из тела, в мир духовный, в мир идей, в какое-то новое пространство, где нет форм и тел и, соответственно, нет смерти и страха. Письмо было его последним прибежищем в мире отчуждения.

Максим видел историю человечества как историю порабощения человечества. На каком-то этапе что-то пошло категорически не так. Государство, которое он презирал, вместо побочного института в обществе стало доминировать в нем. Оно – аппарат контроля и насилия, лишаящий человека свободы и независимости, дарованных ему самой Вселенной. Максим всю жизнь мечтал обрести эту свободу. Он считал, что государство – устаревшая и отжившая идея. Оно установило всякого рода барьеры на его пути к свободе. Эко-

номика, политика, культура – все они скрывали от людей их истинную цель и ценность в жизни – Свободу. Они также дегуманизировали человека, выталкивали из жизни трагедию и загадку, превращая общество в декорацию и спектакль. Они ложь и выдумка – пронзили собой все сферы жизни, сделали жизнь примитивной и невыносимой. Они закрыли собой мир. Максим мечтал сломать эти барьеры и вырваться на свободу.

Однако он прекрасно понимал, что это будет непросто или даже невозможно. У государства в руках полиция, СМИ, судебная система. «Совершенно один, лишенный всех рычагов влияния, что я могу противопоставить этой машине?». Экономические и политические барьеры сломать было не под силу, он выбрал культуру. Максим решил, что попытается противостоять Системе на культурном поле. Книги дали бы ему возможность быть услышанным.

Тогда он был совсем молодым, лет восемнадцати, он грезил, что сможет начать движение, которое продолжили бы его единомышленники, даже после его смерти. Он понимал, что на борьбу с государством требуется больше чем одна жизнь. Просвещение уничтожило Церковь, по его мысли, двадцать первый век должен уничтожить Государство. Юный Максим был готов посвятить свою жизнь борьбе с государством, эта борьба была идеей, на которую не жалко потратить жизнь. Максим считал, что в современном мире не было идей достойных жизни человека, в чем отчасти было

виновато государство. Потому что оно, самым фактом своего существования (как асфальт на земле не позволяет прорасти траве), не позволяло взрасти новым идеям. Чтобы родились новые идеи, новое мировосприятие, нужно для начала избавиться от государства.

Максим не мог найти смысла в современности. Механизация и автоматизация жизни были основными ее признаками, тут не было места личности, чувствам, импровизации. Современность затмила и поглотила человека.

«Современный образ жизни, – часто думал он, ведет к одиночеству и отчуждению. Товар не приносит счастья, не отвечает нашему запросу на Смысл». Ему казалось, что он жил во время кризиса идей. Религия – издевательство над человеческим разумом. Наука, пришедшая на смену религии, – издевательство над душой. Несмотря на то, что наука справлялась с объяснением мира намного лучше, чем религия, она скорее лишала мир смысла, нежели добавляла его.

Найти смысл в общественной жизни ему также не удавалось, общество производило товары вместо смыслов. Жизнь общества виделась Максиму одним большим ритуалом, исполняемым людьми для придания смысла их жизням. Только в обществе существует «успех», «неудача» или «карьерный рост». Общество, накладывая лейбл на человека, дает ему иллюзию бытия чем-то помимо себя самого. Человек становится доктором, предпринимателем и т.д. Вместе с лейблом, приходит возможность быть успешным бизнесменом

или прилежным мужем. Добротнo исполняющй свою роль человек чувствует удовлетворение и спокойствие, в обратном случае рождается депрессия и тревога. Эти чувства не являются подлинными, поскольку рождаются в искусственных, созданных человеком условиях. Таким образом, искусственность определяет человека в обществе, лейбл живет вместо человека. Максиму была неприятна такая реальность.

Весь мир – театр, Максим хорошо понимал значение этих слов. В жизни, как в театре или в кино, нужно верить в реальность происходящего, иначе пьеса или фильм потеряет свое значение. Максим осознал театральность общества так, как бывает, когда смотришь фильм ужасов: пугаешься и внимательно следишь за сюжетом до тех пор, пока не осознаешь, что все происходящее на экране маскарад и шутовство. Потом глядя на часы, понимаешь, что до конца фильма еще час сорок и выбора нет, остается отключить свое самосознание и раствориться в кинематографическом забвении.

Максим совершенно не видел себя в этом мире, он не хотел отключать свое сознание, и поэтому ему невозможно было выбрать себе подходящую роль в обществе. Эти роли, которые должны были выражать его личность, на деле поглощали его и подавляли в нем остатки индивидуальности и неповторимости. Он был лишен своего лица и права на самостоятельность. В мире, где самовыражение осуществлялось через товары и вещи, он был вынужден искать что-то, что

могло бы выразить его сущность. Он знал, что был обречен на неудачу. В этом мире не было ничего, ради чего он хотел бы вставать с постели по утрам. В ситуации, в которой Максим осознал себя, единственным смыслом жизни была работа.

Возможно ли быть *собой* при таком раскладе? Этот вопрос волновал Максима всю жизнь.

– Я на это не подписывался,– говорил он матери, когда они еще жили вместе.

– Ты *обязан* работать,– она настаивала.

Когда он начал писать, он по-прежнему верил, что все можно изменить. Что это временно, что история не стоит на месте. Как только люди узнают правду, так тщательно скрываемую от них элитами, то родиться новое поколение, поколение независимых, равных, свободных. Вместе с этими людьми родятся новые идеи. И он будет одним из новых, он возглавит революцию, даже погибнет, если не за свободу, то за идею свободы. У него все еще оставалась частичка надежды, что он не один, что есть еще люди, которым не нужен лидер, которые следуют только своим убеждениям и которых не вдохновляют мертвые идеи прошлого.

Максим всю жизнь искал способ найти таких людей. Он пытался отойти от сценария, сымпровизировать, привнести частичку непредсказуемости в рутину. Где бы он ни был: на людях, в магазинах или в разговорах, он всегда, словом или жестом, пытался подать знак, дать другим понять, что он не

играет, что он *живой*, в надежде, что его заметят, прочтут его знаки. Однако он не только не встречал близких по духу людей, а наоборот, все больше находил себя в изоляции. Все его идеи были встречены насмешками или открытой неприязнью. Даже близкие родственники отвернулись от него. «Пора взрослеть», – как сговорились они. Взрослеть означало сдаться, заглушить внутренний порыв к свободе и аутентичности, бушующий в душе.

Не найдя подходящего занятия дома, в возрасте двадцати трех лет он отправился в Москву с надеждой на новую жизнь. Максим надеялся, если не встретит единомышленников, то хотя бы иметь больше возможностей для самореализации. Эта поездка навсегда изменила его.

Москва поразила Максима. Тысячи приезжих, готовых принять любые условия, только бы имеет возможность работать и прокормить себя и близких. Они не только не презирали систему, а как раз, наоборот, всячески поддерживали и верили в ее необходимость. О какой самореализации может быть речь? Он не видел богатой Москвы, которую показывают по телевизору. Он был по ту сторону телеэкрана, выброшенный на улицу, осторожно заглядывающий за витрины. Москва стала для него символом неравенства.

Когда он неожиданно вернулся полгода спустя, мать спросила:

–В чем дело?

–Эксплуатация человека человеком не моя тема, – сквозь

зубы ответил он.

После этого жить вместе стало невозможно. Мать с отцом хотели, чтобы он продолжал поиски работы. Максим же чувствовал себя заложником обстоятельств, казавшихся непреодолимыми. Он потерял всякую надежду на перемены и смирился с тем фактом, что он был вынужден жить в обществе, ценностей которого не разделял. Чувство постоянной усталости начало сопровождать его по жизни. У Максима больше не было ни сил, ни желания бороться с обстоятельствами. Они подавили его. Он больше не верил в изменения, мысль о революции казалась смехотворной. Максим, узнав правила игры и свою в ней роль, совершенно не хотел к ней присоединяться.

Тогда, в этот сложный для него момент, было принято решение о его переезде на квартиру, где он живет уже третий год.

Дневник

Я давно уже ничего не записывал, не о чем было писать. Я не хочу описывать свою внешнюю жизнь, я предпочитаю сосредоточиваться на своих внутренних переживаниях. Я хочу изучить себя, записать каждую мысль, проследить ее путь от зарождения до смерти. Мне важна каждая деталь. Я и сам не смогу ответить на вопрос, зачем это делаю. Видимо, мне просто некому высказать то, что было во мне долгое время. Я лучше выскажу все самому себе, неже-

ли кому-то еще. В общении с людьми неизбежно теряется правда и ускользает суть.

Я намерен описать каждую свою мысль, каждую идею, каждое ощущение, которые когда-либо посещали меня. Я намерен изложить все на бумаге и таким образом освободить в себе место для новых идей. Я и так слишком долго был наедине со своими мыслями. Я попробую описать только свою внутреннюю жизнь. Я не назову своего имени, возраста или происхождения и не буду распространяться о деталях своей жизни. Мне это не интересно и может только отвлечь от главного. Я хочу кратко описать себя и свою реакцию на окружающий мир. Само чувство, которое я называю «Я», родилось во мне только как реакция на внешние обстоятельства.

«Я» – реакция, реакция на время и смерть, на людей и язык. Реакция на Ничто, на небытие, на вселенную, на общество и на мир. Оно реагирует ненавистью, любовью и человеческими эмоциями. Оно в теле, хотя и чуждо ему, оно вне времени, хотя и смертно, оно безгранично и вечно, оно – иллюзия. Оно ненавидит мир, оно вне мира, над миром, под миром, в мире. Оно никогда не войдет в мир, не ассимилируется в него, но и не покинет его и не покорит. Оно хочет восстать над миром, выделиться из него, стать независимой от мира сущностью, быть целой вселенной, получить свое собственное измерение, быть вещью в себе, определять свою реальность независимо от мира. В то же время оно

восхищается миром и поклоняется ему как своему отцу и создателю. Оно – противоречие, аномалия, атом. Оно – ничто, ни жидкость, ни газ, ни материя. Оно не мерзнет и не устает, не рождается и не стареет. Оно существует, оно и только оно одно осознает себя. Оно замкнуто в себе, в своем осознании, оно никогда не выйдет из себя, обреченное на одиночество. Оно жаждет разрушения, таким образом, оно стремится утвердить свою реальность. Оно желает уничтожить мир за то, что тот вынес его из Ничто и обрек на существование.

Во мне было словно два «Я». Одно – мирское, социальное «Я», с именем, возрастом, происхождением и телом. И второе – трансцендентное, нематериальное, у него нет возраста и оболочки, оно мир в себе. Мне сложно описать его словами, его можно было бы назвать Богом во мне, оно над временем и материей. И я считал его своим настоящим «Я», более настоящим, чем окружающий меня мир. Отсюда мой анархизм, мое неприятие порядка и устоев, отрицание «земного». Все мирское – иллюзии, выдумки и ложь. В дневнике я буду описывать оба «Я», я думаю, читателю не составит труда определить, когда какое имеется в виду.

Я уверен, что не полностью передал своих чувств, многим написанное может показаться чушью. Но так я чувствую себя. Я заранее понимаю, у меня не получится выразить всего себя на бумаге, не все возможно описать словами. Мне кажется, я чувствую намного острее, чем мыслю. Я в

первую очередь чувствую, ощущаю и только потом осознаю свои ощущения. Их не просто переложить в слова. У языка есть правила и границы, от него веет обыденностью. Он никогда не меняется, он груб, ему не хватает гибкости. Он ограничен и не может передать всей глубины, непредсказуемости и случайности моих чувств. Переложить чувства в слова – значит опосредовать их и лишит неповторимости. К сожалению, у меня никогда не получится высказать себя, потому что язык не способен на это. Я навсегда останусь замкнутым в себе.

Всю жизнь я искал форму самовыражения. Я хотел стать заметным, подчеркнуть свою индивидуальность и эксклюзивность. Мне нужно было отделить себя от исторического процесса и возвыситься над миром вещей. Я хотел добраться до края света и закричать в лицо Вечности: «Я есть!». Я должен был оставить след в мире и не потеряться в веках. Для этого я должен был выделиться, стать тем, чем другие не были. Мне нужна была моя жизнь, я не хотел просто повторять за другими.

Однако все внешние способы самовыражения были корумпированы. Мне нужна была чистая форма, незапятнанная недосказанностью, коммерцией, трусостью. Я хотел найти занятие, вещь или явление, которое бы полностью выразило все мое существо. Мои действия должны были выразить меня, мое стремление к Вечному, мою борьбу со смертью, мое одиночество. Мне нужно было что-то, с чем

я мог бы себя ассоциировать.

Ничего не могло удовлетворить меня. Я пробовал работать, учиться, писать. Все это не удовлетворяло моего порыва к подлинности, к себе, к «настоящности». В связи с этим я постоянно ощущал дискомфорт, мне казалось, я был занят не тем, чем нужно, и все время находился не на своем месте. Я хотел найти то, что придало бы мне форму и собственный голос.

Во внешнем мире ты забываешь себя, теряешь самое дорогое – свое самосознание. Из неповторимого индивидуума ты превращаешься в частичку безликой массы. Тут нет места для неповторимости и эксклюзивности. Общество превращало меня в товар. Я чувствовал себя вещью в бесконечном ряду других вещей. Я был поглощён и произведен культурой, внешними обстоятельствами, на мне можно было ставить лейбл. Всё (что мне преподносилось, идеи и идеологии), все предлагало мне сдать себя, отказаться от моей субъективности и свободы и раствориться во внешнем мире, отдать себя контексту, «утонуть» в ситуации.

Не найдя способа самовыражения во внешнем мире, я обернулся к себе. Я хотел сам создать себя, выразить себя через себя. Дневник – единственное, что я мог сделать, он стал моим средством самовыражения. Все остальные средства самовыражения были, скорее, самоскрыванием или самообманом. Дневник – средство, которое «Я» трансцендентное использует, чтобы выразить себя в мире.

Дневник – мой крик в пустоту, меня как смертного человека, сдавленного одиночеством и отчаянием. Дневник должен придать мне голос и подарить иллюзию, что я замечен Вселенной, Временем, Вечностью.

Дневник – единственная вещь, которая останется после меня. Я хочу, чтобы меня судили по нему, а не по моим поступкам в жизни, которых я, признаться, не так много совершил. Я надеюсь, может быть, кто-то прочтет его, и пройдет мой путь вместе со мной. Дневник поможет быстрее пройти через то, что уже было пройдено мной. Читатель не совершит моих ошибок, не будет попросту тратить время на бессмыслицу. Жизнь научила меня, что порой не задавать ненужных вопросов намного важнее, чем давать верные ответы. Я потратил слишком много времени в поисках ответов на вопросы, которые изначально не нужно было задавать. Я хотел знать законы Истории, я выяснял, существует ли Бог или нет, я разбирался во взаимоотношениях между означаемым и означающим, не осознавая, что это была игра, грамматика, упражнение для разума без всякого содержания. Я искал, не зная что, не зная где.

Итак, сейчас я верю, что мир неопишем и непостижим, что наши объяснения могут быть логичными и цельными, но не верными или правильными. Наши слова остаются словами, а идеи идеями. Они не прорываются к миру, не раскрывают его. Однако мы для упрощения жизни делаем вид, что не замечаем этого и продолжаем верить словам. Мы не

способны на объективное понимание мира.

Я начал дневник с предисловия о контексте, чтобы показать, что не претендую на объективность. Я пишу то, что думаю. Я никому не навязываю свое мнение. Я знаю, что за годы поисков я ни на сантиметр не приблизился к Правде. Если выразить сказанное там аллегорией, то получится следующее: Если представить, что смысл жизни – это клад, закопанный под землей (земля в этой аллегории будет миром), то контекст – это инструмент, с помощью которого мы будем добираться до смысла. Только в действительности у нас нет не только ориентира, с чего начать, но мы даже не знаем, существует ли клад (смысл) вообще. Мы убедили себя, что клад непременно есть и просто ищем наугад, где попало, в надежде, что со временем, частичку за частичкой, сможем собрать всю картину целиком. Мы ищем и ищем, уходя все дальше и глубже, а клада все еще не отыскали. И каждый, кто ищет, верит, что ищет в нужном месте. Перестать искать уже нельзя, тогда придется признать, что ошибались и потратили время зря, что были неправы и что все, что мы делали до этого, было ошибкой. Сейчас мы уже забыли, что начали поиск с определённой целью, поиск стал самой целью, поиск клада стал кладом. Этот процесс уже не под силу остановить никому.

Впервые я начал записывать свои мысли, когда мне было лет восемнадцать. Тогда я не расписывал все так подробно, я ограничивался лишь урывками фраз, что-то наподобно

бие следующего: «Абсурд, нелепость. Зачем?». Я старался писать на языке, понятном только мне одному, я хотел создать свой собственный образ мышления, в котором не нужна орфография или связность мысли. Мне казалось, они стояли на моем пути к смыслу. Со временем язык становился все запутаннее и сложнее. Я проявлял все большие внимания к деталям. Чтобы провести генеалогию души, нужно быть внимательным ко всем мелочам. Мне хотелось знать, не скрываю ли я от себя чего, быть может, чего-то очень важного, что ведет мою жизнь, что какая-то мысль или неосознанные желания втихаря управляют мной.

Я прекращал записывать также внезапно, как начинал. В какой-нибудь один день мне просто надоедало скрупулезно следить за собой и я забрасывал писать. Я замечал, что вместо просветления разума я еще больше запутывался в себе. Мне хотелось переключиться на что-то другое, внешнее, что-то, что не есть «Я».

Дневник, мне представляется, есть самая честная форма письма. Он позволяет быть собой или так близко к себе, как это возможно. Тут нет места притворству и лицедейству, дневник зеркало, в которое я смотрюсь. Я не боюсь своего отражения. Я не скрываюсь за персонажами или сюжетом. Я открыто говорю о себе в первом лице. Для меня нет ограничений, искусственно наложенных людьми. Я намереваюсь добраться до границ своего мышления и увидеть, что находится за ними. Я должен добраться до чистого

разума так близко, как это возможно. Для этого мне нужно как можно сильнее абстрагироваться от всех «знаний», что я приобрел в течение своей жизни.

Эти знания упростили и опосредовали мир, лишили его грандиозности и первозданности. Они забрали у мира загадочность и закрыли мне глаза, отвлекли меня и заполнили мой разум. Они обещали Прозрение, Правду, Смысл, а на деле вели в никуда. Я оказался заложником этих грез. У меня уже не было возможности мыслить, не опираясь на приобретенное, что, в конечном счете, лишило мои мысли подлинности. Я воспринимал мир, и самого себя, через призму приобретенного. Чтобы научиться мыслить подлинно, для начала нужно отучить себя от старого образа мышления. Мыслить не значит интерпретировать, ограничивать или давать название. Мыслить – значит выходить за свои рамки, прорываться через язык, грамматику и контекст к новому способу восприятия мира.

III

Родители по-прежнему жили в старом доме, где прошло детство Максима. Дом находился в частном секторе, в трех остановках от нынешней квартиры Максима. Максим сойдя на нужной остановке, отправился к дому.

Отец был дома один. Он встретил Максима в террасе. Сергей Саныч, крепкий мужчина среднего роста, лет примерно пятидесяти, крепко обнял его. Максиму часто говорили, что он похож на отца, его всегда это резало его слух, он

не желал быть похожим ни на кого. Даже походить на отца была ему неприятной.

– Где пропал? – спросил отец, глядя ему прямо в глаза. Максим мешкался, – а заходи, – добавил Сергей Саныч, рукой указывая путь.

Они прошли в кухню.

– Кофе? – Предложил отец.

– Да, пожалуйста, – не отказался сын.

В то время как Сергей Саныч варил кофе, Максим рассматривал кухню. Мало что изменилось. Он вспоминал, как мальчишкой возвращался из школы, как отмечали его день рождения за этим столом, Все это казалось таким далеким, почти не реальным.

– Нет, не хочу, – ответил Максим на предложенное отцом печенье.

Затем Сергей Саныч поставил кофе на стол, сел во главе стола и начал разговор. Максиму было нечего рассказать, пусть говорит отец. Сергей Саныч рассказывал про работу, Максима это мало интересовало. Заметив равнодушие сына, Сергей Саныч заговорил о предстоящих выборах в городе (раньше они часто обсуждали политические события), Максим только презрительно усмехнулся и добавил, что выборами ничего не изменить.

– А как по-другому? – спросил отец, продолжая разговор.

– Для меня вопрос даже не как по-другому, – отвечал Максим, – а почему это вообще происходит? И можно ли что-

то изменить?

Государство, – он удобнее уселся на стуле, давая понять, что готовится говорить долго, – если оно когда-то и было установлено с целью упорядочивания общежития людей, больше не выполняет этой функции. Современное государство, на мой взгляд, – один из инструментов в руках элит по сохранению status quo, сегодня это его основная задача. Государство играет полезную и важную роль, оно контролирует и управляет процессом эволюции человека. Для поддержания своего существования оно устанавливает границы того, что можно делать. Полиция и судебная система оберегают эти границы.

Хочу добавить, что, с точки зрения Государства, элита это не группа злонамеренных людей, стремящихся к захвату мира, как раз наоборот, элита исполняет важнейшие функции по управлению и сохранению Государства.

Культура – продолжал он, – инструмент номер два, она больше не средство самовыражения человека. В наши дни она устанавливает рамки того, что возможно *подумать*. Религиозные, философские и социальные направления мысли производят концепты и прототипы возможных мировоззрений. Система образования, СМИ и масс-культура не только охраняют, но и всячески насаждают эти концепты на население. Культуру можно сравнить с очками, которые одевают на человека с самого рождения, не давая и шанса развить независимое мышление.

Вышеуказанные институты: Система образования, СМИ, Государство, да и вообще все общественные институты и явления, образуют собой то, что можно назвать Системой. При желании можно найти другое имя, например Матрица или Спектакль, но я остановлюсь на Системе. С самого рождения до смерти, ты находишься внутри этой Системы. Поразительно, но большинство людей живет, не догадываясь о ее существовании.

Человек производится Системой. Все его мысли – ее *продукты*. Они всходят на Системной почве и имеют смысл только внутри ее. У человека есть возможность мыслить или благодаря Системе или вопреки ней. Независимая мысль невозможна в принципе. Подлинность исчезает внутри таких рамок, человек перестает быть созидателем и становится простым носителем доминирующего мировоззрения. Снять культурные очки удастся немногим.

Максим посмотрел на отца, тот внимательно слушал, своим видом как бы приглашая его продолжить.

– Возникает вопрос: откуда же вообще произошла Система? – Максим, недолго думая, продолжал:

Система, на мой взгляд, – ответ человека на кажущуюся бессмысленность Вселенной. Человек – существо, которое нуждается в смысле, он палец о палец не ударит, если не видит в этом смысла. Ему нужно обоснование своим действиям. В процессе своего развития человек начал искать не только смысл повседневных занятий, но и всего мироздания

в целом. Однако Вселенная не отвечала на его зов. Вселенная и сам человек просто существовали безо всякого объяснения и причины. Человек испугался Беспричинности, поскольку без причины нет и Смысла. В этом безмолвии человек оказался предоставлен самому себе. Ему стало страшно, он испугался своей смертности и одиночества. На деле же он испугался своей Свободы, он спутал ее с анархией и хаосом. Ему нужна была определенность, распорядок или что-то, за чем можно скрыться от безмолвия мира, что дало бы обоснование для продолжения жизни.

С этой целью он изобрел Семью, Племя, Бога и как следствие – Государство. Они стали причинами, следствиями и смыслами. За ними человек укрылся от равнодушного мира, в котором был вынужден жить. По сути, не сумев найти смысла в «настоящей» Вселенной, люди создали себе искусственное пространство, в котором коротают свои жизни. В этом пространстве все имеет смысл, каждое явление объяснимо. Сейчас невозможно установить точной даты, но в процессе развития человечества, его собственные изобретения захватили его жизнь. Человек оказался заложником своих идей, они начали доминировать над им. Государство и Церковь, до того бывшие лишь частями Системы, захватили человечество и планету. Фактически они стали Системой. Представить свою жизнь без них человек уже был не в состоянии. Тогда сохранение Системы стало сверхзадачей человечества. Государство и Церковь в наше время, – как ми-

нимум в России, – Максим оговорился, – являются доминирующими из всех подсистем.

Таким образом, Система – это все человеческие идеи, мифы, религии, общественные институты взятые вместе. Все они дополняют друг друга и в то же время находятся в конкуренции между собой за доминирующее положение в Системе.

Или так: Система это – защитный механизм человечества; определенное *мировоззрение*, задача которого сохранить и воспроизвести самого себя. Она состоит из десятка подсистем и институтов (подсистем может быть неограниченное количество) Школа, Брак, Семья – все являются подсистемами, то есть, набором верований, ритуалов, идеологий и паттернов поведения, под воздействием которых протекает человеческая жизнь. Задачи у Системы, помимо воспроизведения себя, следующие: дать обоснование человеческой жизни, скрыть истинное место человека в природе, придать контекст человеческой жизнедеятельности. Или простыми словами: управлять жизнью человечества, задавая ориентиры, по которым каждый отдельный человек сверяет свои поступки.

Находясь в Системе, человек полностью теряет свою независимость. Любое действие, что он совершает, даже любая его мысль, являются его реакцией на существование Системы. Можно даже сказать, что современный человек – это побочный продукт Системы. Поскольку *живет* Система, чело-

век лишь поддерживает ее жизнедеятельность.

Система также дает человеку иллюзию бессмертия, потому что он принадлежит к чему-то большему, чем он сам. Он уже не отдельное тело, а частичка целого, которое, как ему кажется, будет жить вечно. Этим целым может быть что угодно, будь то, «народ», «государство» или «семья». Любая идея, которая переживет каждого отдельного своего адепта. Таким образом, как перед частью целого, перед человеком не встает вопрос: как жить? Или: зачем жить? Он автоматически *принимает* в себя образ жизни целого, исполняя свою роль в глобальном процессе поддержания жизнедеятельности целого. Люди настолько идентифицируют себя с Системой, что видят себя только в качестве ее частей. По сути их не существует за ее пределами.

Если убрать контекст, внутри которого рождается смысл того или иного действия, то жизнь корпораций, школ и других похожих организаций, да и всего общества в целом, потеряет всякое значение. Даже наш разговор будет совершенно бессмысленным. Сам факт того, что мы понимаем друг друга говорит о нашей «системности».

Система также держится на вере. Мы верим, что живем в России, или в 20.. году, или сейчас находимся в доме на улице такой-то с номером таким-то. В повседневной жизни мы забываем, что все это произвольно и случайно. В реальности не существует границ и президентов, крест и полумесяц ничего не значат, а язык – лишь набор звуков, не имею-

щих никакой связи с внешним миром. Нам тяжело отказаться от этих понятий, потому что, отказываясь от них, мы отказываемся от себя. Они внутри нас, они создают нас, и в то же самое время мы создаем их. Мы видим себя и мир через призму этих понятий, или даже так: мы видим понятия *вместо* мира. Эти понятия и есть реальность для нас. Жизнь же, в ее первозданности и чистоте, навсегда скрыта от нас. Мы до сих пор так и не изобрели способа, как до нее добраться.

Максим прервал свою речь и взглянул на свою чашку:

– Я бы от второй чашки не отказался, – не скромно сказал он и продолжил:

И чтобы закончить. Сменить или уничтожить Систему не представляется возможным, поскольку наше представление о мире сформировано самой Системой. Без Системы мы снова столкнемся с вопросом «Зачем?», на который нет возможности ответить. В теории мы можем только сменить людей, которые исполняют определенные *роли* в Системе: президент, губернатор и так далее. Хотя в нашей стране и это невозможно.

Возвращаясь к тому, с чего мы начали, то есть к выборам. Я думаю, что своим участием в любых общественных мероприятиях ты, расписываясь в своем бессилии выработать независимый образ жизни и найти смысл вне Системы, пассивно принимаешь Систему и признаешь ее право на существование. Когда ты используешь деньги или банковскую карту, когда ведешь ребенка в школу или даже когда чита-

ешь газету, ты, возможно, даже неосознанно признаешь Систему и своим признанием *вписываешь* себя в нее.

Нужно добавить, что в современном мире избежать Системы невозможно, человеку оставлен выбор: присоединиться к Игре или гордо наблюдать в стороне. Чем я и занимаюсь уже двадцать семь лет.

После того как Максим закончил, они молча просидели нескольких минут. Сергей Саныч выглядел задумчиво, казалось, произнесенная речь произвела на него эффект. Максим был абсолютно спокоен, он уже не раз проговаривал эти слова с собой. Все сказанное было ему очевидно, даже банально.

—Я тебе говорил валить надо отсюда, — сказал Сергей Саныч, отвечая на последнюю реплику Максима.

—Куда? Я не уверен, что есть такое место, где можно от этого скрыться. Разве что на Ямайке, — мечтательно добавил Максим.

Максим уже собирался уходить, когда вернулась мать. Она уговорила его остаться. Они пообедали вместе. Разговор не клеился, у Максима не было новостей, нечем было поделиться с ней. Мать рассказывала новости про его бывших одноклассников, ему это все было крайне не интересно. Максим чувствовал, что мать хотела услышать от него что-то в том же духе, что он тоже работает, что он скоро женится и купит машину. Она, казалось, не понимала или не хотела понять, что он пытается жить совершенно другой жиз-

ную, где работа не показатель престижа и тем более самоо-
статочности.

Он ушел в начале пятого. Они договорились, что он еще
зайдет на неделе и что вообще будет заходить чаще.

Выйдя из дома, Максим постоял несколько минут в нерешительности, как бы ни понимая, что делать дальше. Затем он быстрым шагом направился к остановке. Ему нужно было в город.

Одиночество

Сколько я себя помню, я всегда остро ощущал свое одиночество. Уже в школьные годы я начал отстраняться от людей. Школа навсегда вселила в меня отвращение к общественным организациям. Я резко чувствовал их искусственность и условность и не мог ее принять. С тех пор я не переношу иерархию, подчинение, правил поведения. Лучшие годы жизни я провел, следуя инструкциям. Когда так живешь, следуя не тобой определённым принципам, жизнь приобретает искусственный оттенок. В ней появляется какая-то противоестественность, и жизнь становится не в радость. Как реакция, ты изолируешься либо от себя, либо от мира. Я выбрал мир. Мне слишком дорога была моя суверенность, для меня не было ничего дороже, чем право быть собой. Я избегал общественных обязательств, которых не любил, я терял в них себя и был легко контролируем. Мне нужно было пространство, на котором я был единственным, кто рас-

поряжался моим временем.

Внешний мир меня совершенно не интересовал, он был полон фальши, лжи, притворства. Я не переставал удивляться, как другие могли забываться в нем, они растворялись в мире. Они не имели своей индивидуальности, им нравилось быть частью чего-то, вокруг этой части они выстраивали свое «я». Со школьной скамьи они машинально следуют распорядку, спущенному сверху. Их «я» было определено снаружи, оно не существовало за пределами общественных отношений. Я же стремился выйти за эти рамки, я хотел сам определять то, что я есть. Общество стояло на моем пути к самому себе, оно определяло меня без моего ведома. Я не мог принять такой действительности.

Расплатой за это стала моя изоляция, общество не толерантно к проявлениям независимости. Я не стремился к одиночеству, оно само меня нашло. Я старался быть среди людей, влиться в ритм их жизни, стать частью общего. Мне не удалось этого сделать. Видимо я одиночка по природе. Несмотря на то, что я все время был среди людей, в душе я был один. Я не чувствовал товарищества к своим сверстникам, я не разделял их интересов. Отчуждение было доминирующей эмоцией в моей жизни. Все то, что я делал в мире, я делал вопреки своей воле. Я не знал, как противостоять обстоятельствам, они казались непреодолимыми. Я был потерян и бессилен.

Признаться, одиночество не всегда было мне в тягость,

как раз наоборот, я многим ему обязан. Оно пробудило во мне любовь к искусству, литературе, музыке. Оно подарило мне меня. Только наедине с собой я мог сконцентрироваться на вещах, мне интересных и быть собой. Я размышлял о Вселенной, о человечестве, о смысле истории. Я стремился увидеть всю картину, объяснить человека и самого себя.

Я вспоминаю одинокие вечера, которые провел в размышлениях. Только поздним вечером я мог остаться наедине с собой. Я любил такие вечера, когда ничто не могло меня потревожить, ворваться в мой внутренний мир. Я часто сидел у окна и смотрел на город. Под ночным небом исчезали тревоги, прекращалась дневная суета. Казалось, мир возвращался к своему первоначальному состоянию. Он больше не принадлежал исключительно людям, он сливался с вселенной и становился частью непознаваемого и вечного.

Какой смысл во всем этом? Что есть Я? И мы верим, что можем понять это? Как начать объяснять это?

Я вижу мир, он происходит сам по себе без причины, я происхожу сам по себе. От этой мысли становится дурно, потому что я существую в другой реальности, среди людей. Я не просился сюда и не хотел рождаться. На меня упало бытие, я брошен в историю, в цивилизацию. Я закован в теле, я в эмоциях, во времени. Я, безусловно, есть я, я не могу быть ничем, кроме меня, но глубоко внутри себя я знаю, что я не я, не это тело, не эти чувства. Абсурд, но я не мог не родиться, чтобы не родиться, нужно родиться и понять,

что можно не родиться. Я заключен в мире и ограничен им. Ничто не могло помочь мне объяснить то, что я видел перед собой. Мир и моё представление о нем шли параллельно друг другу. Они две параллельные прямые, которые никогда не пересекутся. Я прокручивал в голове историю человечества, создавались империи и династии, рождались идеи и смыслы, религии и философские теории. Они были мне далеки, и я не чувствовал к ним близости. Все они казались такими мелкими и незначительными. Я не знал, как примирить все это с повседневностью и бытом.

Только Я и Мир, один на один, лицом к лицу. Один спрашивал второго, что ему нужно, ответа не было. Мир не разговаривал, он не понимал моих страданий. Мы были чужды друг другу, почти несовместимы. Бесконечный, огромный, безмолвный и враждебный. Он, казалось, просто меня не замечал. Я – аномалия, я то, что не может существовать. Как оно (или я) могло появиться? В то же время, вместе с печалью я чувствовал благодарность, что родился, что имею возможность видеть этот мир, думать, чувствовать, дышать. В чем была суть всего? Почему люди делают то, что они делают? Сейчас я не верю, что на них возможно ответить. Мне казалось, Человечество, как и я, было я в поиске себя.

Я всегда ощущал тоску. По смыслу, по избавлению от своего душераздирающего стремления к чему-то человеко-превосходящему. Я – сгусток энергии, которому сужде-

но сгореть, в этом вся его сущность. Я хотел гореть как можно ярче, но не знал, как. В то же время я искал спокойствия и умиротворенности, только в них я видел спасение. Мне нужна была веточка, за которую я мог бы зацепиться и вытянуть себя из Отчаяния. Все земное, казавшееся маленьким и незначительным, не могло мне помочь. Все потеряло смысл. Слова отделялись от мира. Я остался один и просто наблюдал. Нельзя было даже начать описывать то, что я видел.

Мир без Смысла. Мир без Слов. Мир без Надежды.

Я часто гулял по городу. Я бродил среди улиц и наблюдал за происходящим. Люди торопились, они были поглощены заботами. На их лицах не было видно мыслей, они как будто слились с обстановкой и были частью пейзажа. Я смотрел на людей и видел автоматизм и распорядок: красный цвет – стоп, зеленый – вперед, все по расписанию, каждый знал свой ход. Затем я поднимал глаза к небу, контраст был невероятным. Небо давало мне ни с чем не сравнимое чувство свободы. Я его видел, я был один среди суеты, кто смотрел ввысь, я жил в тот момент, я мог делать и думать, что пожелаю. Я как будто на мгновение выпадал из мира. Не было времени, проблем, тревог.

Мне жаль людей, которые никогда не знали этого чувства. Эта невероятная легкость, когда есть ты и ничего больше не может этому помешать. Когда над тобой не довлеют обязательства, время, другие люди и их ожидания,

когда ты и только ты решаешь, что ты должен или не должен делать.

Я – это Одиночество. Оно единственный дар природы, за который я чувствую благодарность. Мне трудно с людьми. Они вечно торопятся, им постоянно чего-то не хватает. Находясь среди них, я всегда что-то теряю, в их разговорах нет правды. Они мне не интересны, я не чувствую себя одним из них. Одиночество подарило мне вкус Свободы. Я никогда не откажусь от нее, не существует ничего на свете, на что я бы обменял свою свободу.

Внутри себя я всегда чувствовал конфликт между своим «Я» и своей ролью в обществе. Эта роль была слишком мала для меня, она хотела унижить меня, загнать в рамки, лишит независимости. Я отказался от нее, я отказался играть, за что и был изолирован.

Итак, избавление от общественного «гнёта» стало первым этапом на моем жизненном пути. С тех пор я не применяю к себе обычных человеческих понятий, они больше ничего не значат для меня. «Любить», «Верить», «Ценность» все это просто слова, за которыми ничего не скрывается. Они имеют смысл только в определенном контексте, в мире, где существуют ориентиры. Мои ориентиры начали рушиться после. С тех пор как я стал проводить все большие времени наедине с собой, общественно принятые «правды» начали терять свою сакральность. Я замечал, что то, что мы называем правдой, является не более чем привычкой или

традицией. Разбирая появление того или иного своего убеждения, я увидел, что все они базируются только на страхе. Даже не на страхе, а на нежелании быть другим, быть неправым в глазах других. Принимая общественные ценности, ты как бы заявляешь, что готов пойти на жертвы, готов отказаться от себя, только бы быть принятым в общество. Мне эта идея казалась не только не правильной, но даже смешной. Я не хотел вставать в строй и становиться копией копии еще одной копии. Я хотел быть собой.

IV

«Д где она?» – думал Максим, ожидая Машу в холле киноцентра. Он достал телефон из кармана и посмотрел время, было уже шесть. Они условились на полшестого, Маша редко опаздывала, Максим начинал немного нервничать. К тому же у него не было денег на балансе, чтобы позвонить и узнать где она. Оставалось только ждать. «Сейчас придет, еще ни разу не было, чтоб не приходила», – говорил про себя Максим.

Он сидел на мягком диване, закинув ногу на ногу и, со скучающим видом, следил за происходящим. Киноцентр находился на четвертом этаже огромного торгового центра. Жизнь внутри ТЦ развивалась как будто по сценарию. Тут, как в рекламном ролике, кругом, не давая глазу передышку, пестрили яркие цвета, в каждом уголке двигались и мигали, сменяя друг друга, рекламные щиты. Хотя на то и не было никаких оснований, но улыбались все: лица с плака-

тов улыбались, посетители, делающие селфи с телефонами в руках, улыбались, продавцы с охранниками тоже улыбались. Ощущение фальши витало в воздухе. Максим, да и остальные посетители были не более чем массовкой на этой сцене. Все они потеряли человеческие очертания и слились с искусственной обстановкой. В сущности, они уже и не были людьми, зайдя в ТЦ, они бессознательно совершили переход из режима «человек» в режим «посетитель». Этим переходом они отказались от себя и приняли в себя, присущие последнему атрибуты и паттерны поведения.

Утомившись сидеть, Максим поднялся с дивана и начал прохаживаться по залу. «Какое кино могут показать на базаре?». Искусственное освещение добавляло обстановке неестественность, в природе просто не существует таких ярких цветов.

Эпитомия жизни общества. Тут все, что общество может предложить, было сконцентрировано в одном здании. Кинотеатр для развлечения, тренажерный зал для «здоровья», внизу продуктовый магазин и косметический центр, а в подвале предоставляют массаж со счастливым концом. Если бы у одного из сотрудников центра родился ребенок на рабочем месте, то он мог бы никогда не покидать своего места рождения, тут все уже было для счастья. Ему ни к чему бы были солнце и вода, вместо них есть солярий и бассейн, для образования есть газетная стойка, для развлечения бесконечные ряды игровых автоматов и видео приставок. Все нужды ре-

бенка были бы удовлетворены. В случае если бы он запро-сился на волю, захотев чего-то большего, и намерился поки-нуть ТЦ, то в кабинете психолога его бы признали невменя-емым и прописали бы нужные препараты, а также посовето-вали бы посещать тренажерный зал и йогу, но только не сме-ну образа жизни и выход на открытое пространство. В тор-говом центре не хватало разве только крематория, что есте-ственно, поскольку напоминание о смерти своей холодной реальностью сразу разрушило бы фальшиво-счастливую об-становку в ТЦ.

ТЦ замкнут в себе, он делает вид, что реален и реален только он. Все что происходит снаружи, происходит на низ-шей ступени реальности. Мир снаружи работает на ТЦ, он поставляет сюда товары, персонал и посетителей – топливо, на котором ТЦ работает. Тут двери открыты всем. Для без-работных полно вакансий, для работающих десятки возмож-ностей для того, чтобы, потратив деньги, обрести, наконец, свою долю счастья и подтверждение своей значимости толь-ко затем, чтобы, как наркоман, через неделю или после сле-дующей полочки, сразу же вернуться за новой дозой. Поку-пать и быть тут синонимы.

«Смотрите, у меня «эпл» или я ношу «найки», прямо как в телевизоре, прямо как мой кумир на рекламном баннере, значит, я тоже по правде. Значит, я *есть*?».

Покупка товара утверждает твою *реальность* как челове-ка, она дает тебе оценку и выражает твою сущность. Если

ты не покупаешь, то тебя нет, ты так и остаешься непроявленным, замкнутым внутри себя. Покупка позволяет твоей внутренней энергии материализоваться в обществе людей. Товар – тотем, которому ты поклоняешься; учение, чьи доктрины ты исповедуешь; Бог, в которого ты веруешь. Ты сам производишь его, производишь, моешь и чинишь, он владеет твоим днем, он цель и средство твоей жизни. И только вечером, когда гаснет свет и ты, отложив телефон и сняв свои «найки», лежишь в пустоте комнаты, голый и одинокий смотришь в пустой потолок, впервые за день предоставленный самому себе, ты спрашиваешь себя, вспоминая прошедший день: а было ли это все по правде? Ты гонишь эти мысли, они волнуют тебя, не дают покоя, мешают как можно скорее уснуть. А ты спешишь уснуть, чтобы утром вернуться обратно в ТЦ, купить новую вещь и обрести себя заново. Тебе не под силу вынести свидание с собой настоящим.

Максим ходил вдоль торговых рядов и удивлялся: «Неужели кто-то покупает этот хлам?». Он смотрел на персонал: продавцы, уборщицы, охранники – все они были лишь частью интерьера. Максиму было больно на это смотреть. Ему было жаль этих людей, он сам один из них. Человек не должен так тратить свою жизнь. «Они вынуждены *жить* здесь», – думал он про себя.

«Вон она» – он наконец увидел Машу. Она поднималась на эскалаторе и смотрела по сторонам, пытаясь отыскать Максима. Он пошел ей навстречу и улыбнулся, она улыба-

лась в ответ.

– Задержалась? – спросил Максим, прижимая ее к себе одной рукой.

– Да, не смогла пораньше, – отвечала она своим мягким голосом, который так нравился Максиму. Максим любил женский голос как таковой. Он знал, что другие мужчины, вероятно, не назовут голос как самое привлекательное в женщине, но для Максима голос был очень важен. Голос выражал душу, то есть, *саму* девушку, в то время как тело было лишь оболочкой, за которой душа вынуждена скрываться.

Несмотря на немного усталый вид, Маша по-прежнему отлично выглядела. На ней была юбка до колен, не очень вызывающе, и в то же время это подчеркивало ее фигуру. Максим бросил взгляд на ее ноги, особенно его в ней привлекавшие. Ноги «шли» на втором месте после голоса и иногда перевешивали влияния голоса. Максим не был самым большим романтиком.

У них было мало времени, сеанс начинался через десять минут. Они сразу прошли на кассы и оплатили билеты.

– В каком зале, там? – спросила Маша, она искала глазами нужную дверь.

– В третьем, – проговорил Максим, увлекая ее в нужном направлении.

Они не часто выбирались в город, Максим не любил этого. Он предпочитал по-другому проводить время. Сегодня он очень хотел увидеть Машу, поскольку не знал, встретятся

ли они еще. В этот вечер, как назло, показывали кино, которое Маша очень желала посмотреть. Несмотря на все его уговоры встретиться сразу у нее на квартире, Маша не сдавалась. «Я пойду с тобой или без тебя», у Максима просто не осталось выбора. Ему пришлось идти с ней в кино.

Они встречались уже три месяца, изначально Максим не предполагал, что это может так долго продлиться. Помимо личных причин – он не стремился к отношениям – было еще одно обстоятельство – Маша работала проституткой. Однако в его текущем положении Максима это не очень отталкивало, у него все равно не было другого варианта. Он решил не форсировать события и не предпринимать никаких шагов по сближению с Машей, они просто периодически встречаются. Маша недавно даже клялась ему, что бросила свое занятие, Максим не особо ей верил. В конце концов, он получал от нее то, что ему было нужно бесплатно. Жаловаться было не на что.

Они познакомились примерно четыре месяца назад. Максим нашел ее страницу в «контакте» с надписью «звоните», что он, недолго думая, сделал. Они встретились у Маши на квартире. Она сразу привлекла его физически, ей было двадцать пять, но на вид не больше двадцати. Брюнетка, невысокого роста, с хорошей фигурой, то, что называется «petite». Максиму казалось, он ей сразу понравился. Когда он уходил, они даже обнялись. Спустя неделю после первой встречи, он снова навестил ее. Уходя, Максим пошутил, что постоянным

клиентам нужна скидка, вместо скидки Маша предложила выпить кофе. Они зашли в маленькое кафе в доме напротив. При расставании Маша дала ему свой личный номер.

– Если что, звони сюда, – сказала она, протягивая листок с номером.

Максим не знал, позвонит ли, но номер взял. В течение следующего месяца они встречались по несколько раз в неделю. Иногда ходили в город, посещали в кино или рестораны, иногда оставались в ее квартире. Так продолжалось довольно долго. Когда Максиму было особенно грустно и одиноко, он знал куда звонить. Максим нашел то, что давно искал. Ему нужен был кто-то, с кем провести время и кто не требует ничего взамен, кроме его компании. Ему было легко с ней, не нужно было притворяться, что он ее любит или она интересна ему как личность. Их отношения в определенном смысле были взаимовыгодным сотрудничеством. Максим получал регулярный секс, Маше было с кем пойти в кино.

Как Максим и предполагал, фильм был ужасен: группа подростков бегала по городу в поисках их друга, которого кто-то похитил. Максим не мог вынести этого зрелища. Действо, происходящее на экране, нельзя было назвать фильмом. В нем не было не то что идеи, в нем не было даже сюжета. Часа через полтора после начала сеанса он предложил Маше уйти. «Ты разве не хочешь концовку досмотреть?» – она укоризненно посмотрела на него. Они досмотрели до конца. Максиму было обидно, что такой мусор находит зри-

теля, в то время как его работы «умирают» в столе.

Забудь! – основной призыв фильма – что ты человек и часть самой великой загадки – самой жизни. Забудь о Системе и Космосе. Тебе незачем это помнить, ты счастливая бессознательная функция, у которой есть свое *место* и ремесло. Твоя цель работа и развлечение-отвлечение. Фильм не призывал мысль к пробуждению, как раз наоборот, всячески старался подавить ее. Он был еженедельной, обязательной дозой снотворного, вливаемого масс-культурой в среднестатистического обывателя. Максиму было бесконечно жалко двух часов, потраченных на фильм. Какая трата времени! Он удивлялся людям, которые еженедельно посещают кинотеатры.

После фильма они зашли поужинать в KFC. Максим сидел напротив Маши и разглядывал ее. «Она, безусловно, красива и не глупа. Что с ней случилось?» Ему был интересен вопрос о том, что же привело Машу к этой жизни. Но он никогда не спрашивал ее напрямую, ему не хотелось поднимать тему, которая может ее обидеть. Он себе объяснял, что Маша в какой-то момент приняла решение продавать себя дороже, как реакция на факт, что в современном мире все равно нужно себя продавать. Он понимал, что романтизирует ее, однако предпочитал верить своему объяснению.

– Ну, как твоя книга продвигается? – спросила Маша, протягивая руку за газировкой.

Максим немного удивился, Маша редко говорила с ним о

книгах.

– Никак, – начал он объяснять. – Я только начал. Пони-
маешь, сложность в том что, я хочу написать книгу, которая
выразит меня всего, доберется до мельчайших деталей моей
души. Выскажет даже больше, чем во мне есть сейчас. Она
очень личная, я никогда до этого не писал в таком стиле.

– А если конкретней, – перебила его Маша, – о чем книга-
то? – она смотрела ему в глаза, пытаясь понять, о чем он
говорил.

– И про меня и про жизнь в целом. Не хочу заранее го-
ворить, когда напечатают, прочитаешь и сама сделаешь вы-
воды. Не люблю, когда автор говорит, о чем его книга. Он
в каком-то смысле запрещает читателю проводить самосто-
ятельный анализ. А я этого не хочу.

– В нашем мире и так запрещено думать, – продолжал
Максим, увидев, что Маша делала вид, что слушает. Сама
знаешь, в каждой области есть свои «специалисты», – он сде-
лал ударение на этом слове, – которым ты обязан, безукориз-
ненно верить. В политике политологи, в экономике эконо-
мисты, простому человеку остается только найти себе в те-
левизоре такую говорящую голову, которая расскажет ему,
что думать. Та же тенденция наблюдается в литературе ...

Маша перестала слушать его речь еще с середины. Мак-
сим часто произносил такие речи, она не могла понять, се-
рьезно он или нет. Он, казалось, настолько увлекался сво-
ей речью, что терялся в ней. Он был немного странный, это

точно. Почти все свободное время он проводил дома, он или читал или писал, его мало что интересовало помимо этого. Он жил в книжном мире, который почему-то считал важнее жизни настоящей. Естественно, что при ее образе жизни она не могла рассчитывать на нормального мужчину. И все же, несмотря на странности Максима, в нем было что то, что ее привлекало. Его отношение к жизни – он не был сфокусирован на чем-то одном. Ей казалось, он знал все и в каждой области, будь то политика, спорт или история. Максим всегда знал, что сказать и ответить. Маше нравилось его чувство юмора, это даже не юмор, а какая-то бесконечная насмешка над всем мыслимым и немыслимым. Он и к самой жизни относился как-то несерьезно. Он ни во что не верил. У него был только один авторитет, он сам. Ее иногда раздражала его заикленность на себе, но в то же время, она не могла не уважать его индивидуализм и веру в себя.

Они просидели еще примерно полчаса. Максим высмеивал фильм и вообще много шутил. Он был в необычно приподнятом настроении, Маша давно не видела его таким. Он будто скинул с себя груз и просто расслабился.

Шел уже десятый час, когда Маша вызвала такси до дома. Они решили ехать к ней.

V

Максим ушел от Маши в начале двенадцатого. Она уговаривала его остаться ночевать, но ему нужен был вечер в одиночестве. От ее дома до Максима было тридцать минут

ходьбы. Максим шел дворами к себе. Как всегда ему было тоскливо и одиноко. Он свыкся с этими чувствами, они были его спутниками по жизни.

«Вот и закончился мой день. Последний?».

Максим смотрел на ночное небо, небо – символ бесконечности. Он был так мал, его жизнь была слишком незначительной в сравнении с этой бесконечностью. И он абсолютно один среди этих улиц, в заброшенном уголке планеты возвращается к себе на квартиру. Обычно вернувшись домой, он включил бы телевизор или почитал книгу, чтобы отвлечься, забыть о бесконечности и вернуться в «реальность».

Все эти улицы и города, страны и границы, и даже время, философия и религия, все отдает какой-то местечковостью и приземленностью. Все это существует и имеет значение только *здесь*, на стыке культурной и физической реальностей; на этой крошечной, затерянной в одной из миллиардов галактик, планете. Все это не стоит и гроша, чтобы быть принятым всерьез.

Пустынная улица. Брошенный мир. Почему? *Как* мир вообще существует?

Мир *случился* без него, Максим сюда не просился и не хотел быть его частью. До Максима случилась История, появился человек, да что человек, целая Вселенная. И вот сейчас он осознает себя здесь, что ему теперь делать? Ведь он тут только временно, да и он сам не *есть* он. Он просто в этом теле или голове, в этих словах и бесконечных потоках

мыслей, неизвестно откуда происходящих. Мысли появляются, и все тут, у него мало контроля над ними. Вообще все его тело живет своей жизнью, сам Максим просто смущенный зритель, наблюдающий самого себя. Он ничего не чувствует, кроме отчуждения. Его ничего тут не держит. Он до конца не знает и никогда не узнает, а по правде ли все это. Он совсем недавно пришел из Ничто. Ночь уносит его обратно в себя, в естественное состояние матери, в не-сознание, в Ничто.... И каждое утро он вбрасывается, неизвестной, непреодолимой силой, обратно в «реальность».

Жизнь – это такой эксперимент, что проводится над людьми (кем? Он не знал. Вселенной? Богом?), цель эксперимента выяснить, кто первый поймет, что она сон и иллюзия. Невозможно доказать *реальность* происходящего. Где находится Вселенная? Нет такого места, где бы она могла быть. Она буквально нигде. Она мгновение в пустоте, в вечном Ничто. Никто, кроме нас, не может подтвердить существование этого мгновения. Если бы Вселенная прямо сейчас исчезла или вообще никогда не существовала, *ничего* бы не изменилось, потому что буквально просто *нечему* меняться.

Как жить, осознав все это? – У него не было ответа.

Максим вспомнил о смерти, она была близка как никогда. У него не было страха смерти, он не боялся Ничто, оно избавит его от страданий. Он только боялся самого процесса умирания, тех самых последних мгновений перед смертью. Он

иногда представлял, как будет лежать в предсмертных конвульсиях: «Все? Нет, я еще жив. А сейчас? Пока нет». Затем он умрет, так и не узнав, что умер. Эта мысль страшила его намного больше, чем Ничто. Он чувствовал свое бесконечное бессилие по отношению к смерти. Он не только не контролировал свою жизнь, он также был обречен на неизбежную смерть.

Максим прекрасно помнил, когда впервые осознал свою смертность. Ему было семнадцать лет, он читал книгу, в которой описывались предсмертные переживания одного из персонажей, в тот самый момент Максим внезапно осознал, что тоже умрет. До этого он никогда серьезно об этом не думал. Тогда он почувствовал, как уходит почва из-под ног. Все, во что он верил, исчезло в одночасье. Все предыдущие мысли и стремления потеряли смысл. В сравнении со смертью все было «мелко, ничтожно и глупо».

Мысль о смерти подарила ему сознание. Он как будто проснулся ото сна и впервые заметил себя. Смерть *выдавила* его из мира и дала чувство бесконечной субъективности, границ которой он никогда не сможет покинуть. До того момента он жил в мирке, в котором все было на своих местах, у каждой вещи было свое назначение и название. Он жил в стране, в одном из ее городов, у него было имя и дом. Он посещал колледж. Все эти вещи, сложенные вместе, создавали его. И он был часть этого мира, человек среди людей, вещь среди вещей.

И тут пришла Смерть и разрушила этот мир. Больше не было стран и направлений, не было правды и лжи. Контекст, в котором он пребывал до того времени, был уничтожен. Смерть своей реальностью и неизбежностью уничтожила декорации, среди которых протекала его жизнь. Он был выброшен в новую реальность, где смысл был потерян, не было даже возможности думать о смысле. Смысл – это еще одно слово, изобретенное людьми. Раньше слова обладали силой и могли описывать мир, теперь он видел перед собой только явления, которые невозможно было даже начать описывать. С тех пор он никто и нигде, он больше не Максим, не гражданин, не человек. Исчезло время, пространство, человеческий мир.

Смерть познакомила Максима с Вечностью. Он знал, что никогда и ничем не сможет выразить это осознание. Что такое вечность? Вечность – это когда нет времени и пространства, когда не важны тела и расстояния; это секундная реализация целого бытия, выходящего за рамки материи и привычных понятий мышления. Когда стирается грань между бытием и ничто, когда разрыв между индивидуумом и миром исчезает. Когда все едино и цело. Когда в одном мгновении сходятся истории этой, всех предыдущих и будущих вселенных и всевозможных измерений. Когда ты – человек, человечество, Бог и весь мир в одном лице, когда ты понимаешь, что Все в тебе и ты во Всем, Оно исходит из тебя, а ты исходишь из Него. Вечность – это Мгновение.

С того времени Максим жил двойной жизнью: одна жизнь в Вечности и вторая жизнь в мире, в России, в П. . . . Ему было невыносимо тяжело в реальности, где ему, парадоксально, все казалось нереальным. Он шел по жизни без огня, без настоящего стремления к чему бы то ни было. Ему казалось, он уже нашел все, что можно найти и понял все, что возможно понять. Максим остался совершенно один, только он и смерть, лицом к лицу. Ориентиры были потеряны. В этом новом мире не могло быть ориентиров. Не было ничего реальнее смерти. Она открыла ему весь абсурд «человеческой» жизни. Как только он ни старался найти, за что ухватиться, найти эту спасительную ниточку, которая бы вытащила его из этого состояния. Однако все человеческие изобретения казались ему искусственными. Больше не было авторитетов и инструкций. Все потеряло значимость. Ничто больше не могло дать обоснование миру. Не существовало «Семьи», «Общества» или «Человека».

Культура, задающая границы того, что может быть подумано, История с Наукой, описывающие и трактующие смысл Жизни в целом и человеческого существования в частности, – все эти явления, рожденные внутри цивилизации и имеющие смысл и применение только внутри этой самой цивилизации, больше не имели для Максима абсолютно никакого значения. Все те вещи, что происходили с ним в течение жизни, все то, что он ценил и считал важным, сама его жизнь, как внутренняя, так и внешняя, были продуктами этих яв-

лений. В связи с этим Максим начал ощущать к самому себе какую-то отчужденность. Он, в конечном счете, не являлся инициатором своих действий или автором своих мыслей. Смерть сначала научила его заметить культурно-цивилизационные границы, а затем, пусть даже на мгновение, заглянуть дальше них.

Он, его «Я» – это мгновение; секундное осознание мира и реальности на глубочайшем уровне, оно исчезает, как только направляет свое внимание на себя или когда выходит в мир. Это осознание никогда и ничем не выразить. Эта секундная реализация не поддается дефиниции, она не из этого мира, она не материальна, словами ее не описать и поступками не выразить. И он ассоциировал *себя* с этой реализацией, которой нет места в мире людей.

Однажды сняв пресловутые очки, не было никакой возможности надеть их обратно. Увидев мир и свое место в нем, Максим уже не мог и не знал, как, а главное, зачем продолжать. Мир потерял для него свою привлекательность. Отчуждение. Из теплого и светлого места мир превратился в камеру одиночного заключения. Максим больше не мог притворяться, он больше не знал, что происходило, и не хотел скрываться от мира за декорациями. Он больше не хотел быть человеком. Внешний мир вызывал у него отвращение. Он не хотел быть идеей «Человека», появившейся задолго до его рождения. Он был *определен* другими, свободы самоопределения не существовало. Крещенный младенцем, по-

лучивший паспорт подростком, он осознал себя в мире, где ему оставалось только *обрести* свой аватар, выбрать персонажа в игре. В игре без начала и конца, из которой только один выход.

Жизнь

Мир никогда не переставал меня удивлять. Не существует слов, чтобы описать его. Он самое невообразимое из невообразимого и немислимое из мыслимого. Как вообще может существовать что-то вместо бесконечного ничто? Сам мир кажется маленькой точкой, иллюзией в сравнении с бесконечностью Ничто. Вселенная – случайность, аномалия. Я всегда понимал, что не смогу по-настоящему понять, как такое возможно.

Я не верю в бога, но в процессе жизни я понял его полезность. Бог своим существованием должен был спасти мир. Бог придал бы сущность вещам, подтвердил реальность происходящего, Он – всевидящее и всемогущее существо – здесь для того, чтобы подарить вещам сущность и глубину, наполнить их содержанием. Он – окончательная реальность. Когда я потерял веру в бога, я разуверился в мире. Поскольку Бога нет, Ничто стало единственной реальностью.

Мир пустой, он декорация и вывеска, он нигде и никогда. Никто кроме меня не может подтвердить его реальность. Но как я могу это сделать, если сам не являюсь настоящим. И все, что мы имеем в мире: История, Цивилизация, Нау-

ка, а также государства и страны, – все они существуют для того, чтобы подтвердить реальность мира, скрыть его пустоту и сделать вид, что утверждение реальности исходит не от человека, что мир объективен, а не субъективен. В этом их главная цель и ложь. И в этом главная трагедия человечества.

Жизнь не поддается объяснению, Жизнь – загадка. Почти всю свою жизнь я провел, пытаясь ее разгадать. Задача была не из легких, я намеривался объяснить необъяснимое. Что бы я ни делал, где бы ни был, во всем я искал смысл. Я хотел найти первопричину и объяснить жизнь. Это во многом мешало. В обычной жизни нет времени на размышления и самоанализ. Чтобы преуспеть, нужно, что называется, рвать и метать. Не помогло также и то, что я никогда не стремился преуспеть во внешнем мире. Жизнь в обществе казалась мне искусственной, общественные ценности недостойными усилий. Мне хотелось достичь большего, чем общество в состоянии предложить. Я не хотел приспособляться.

Найти смысл мне так и не удалось. Я сдался и прекратил свои искания, я просто смирился с фактом, что моя жизнь лишена всякого смысла, и я ничего не смогу с этим поделать. Мне остаётся только наблюдать за жизнью, понять ее я не смогу. Со временем мои объяснения могут становиться запутанней и изысканней, но они по-прежнему останутся только моими мыслями. Я не говорю, что жизнь в целом

бессмысленна, скорее, это я не смог его отыскать. Я был слишком мал в сравнении с миром, чтобы даже начать его понимать.

В мире без смысла, человеку нужна модель образа жизни. С этой целью он изобрел Цивилизацию, она – симулятор мира. Внутри нее у человека есть к чему стремиться и чем занять свою жизнь. Она задает человеку ориентиры, по которым вести свою жизнь. Мне было тяжело ассимилироваться в этот мир. Я воспринимал общество, как песочницу для взрослых. Я предпочитал Ничто этому пластиковому миру. Я не скрывался от жизни, я смотрел ей прямо в глаза. Я не боялся смерти, я искал трагедии и надрыва, в них я видел величие человека. Мне не нужно было одобрение моих действий, я хотел действовать только исходя из моих личных побуждений. Я верил в свободу и право человека на самоопределение.

Отсюда произошел мой конфликт с обществом. Большинство людей смогли отыскать смысл в жизни, они поверили в «Государство», «Народ», «Семью». Они отдали свою индивидуальность и независимость этим понятиям в обмен на иллюзорный смысл, который они обеспечивают. Я видел, что люди уцепились за эти понятия, как за последнюю надежду. Без этих понятий они бы потерялись и не знали бы, как продолжать. Мне же казалось, что принимая эти смыслы, ты забываешь о главном. Ты отказываешься от своего мышления, предпочитая не видеть всю картину. Ре-

альность намного шире наших концептов. Принимая определенную социальную роль, ты присоединяешься к игре, на правила и ход которой, не можешь повлиять. Игра становится единственным смыслом жизни и заменяет собой саму жизнь. Я воспринимал такой образ жизни, как предательство человеческого духа и человеческой свободы.

Мне всегда казалось, люди вокруг меня были заняты пустяками. Они проживали свои жизни, не поднимая головы, вечно увлеченные своими повседневными хлопотами. Их жизнь всегда казалась мне чересчур примитивной. Я чувствовал, что попал не в свою среду. Я избегал их общества, боясь погрязнуть в их разговорах и сплетнях. Я не мог присоединиться к ним. Мне не хватало воздуха, не с кем было поговорить, поскольку я стремился к Вечному. Я хотел подняться над обстоятельствами, быть выше и мудрее повседневности и быта, возвыситься над историей, цивилизацией и смертностью. И быть просто Человеком, свободным, независимым.

Все общественные институты я видел исключительно как механизмы контроля, не более того. Они лишили меня индивидуальности, забрали мою независимость, овеществили и контекстуализировали меня. Мне дали имя, занятие, распорядок дня. Мне был прописан определённый образ жизни, по которому я должен был выстроить свою жизнь. В том, как общество формирует человека, я вижу большой элемент насилия, не столько физического, сколько духовно-

го. Я, тем не менее, никогда не пытался вступить в открытую борьбу с общественным строем (я понимал бесполезность этой затеи), я скорее хотел диалога с обществом, в процессе которого я мог бы повлиять на него в ответ.

Я презирал Государство. Оно одна из худших идей, родившихся в процессе человеческой эволюции. Механизм насилия и контроля, в наши дни оно доминирующая сила в общественной жизни. За понятиями «Родина», «Долг», «Патриотизм» скрывается, вызывающее у меня отвращение реальное состояние вещей: большинство людей находится в полном подчинении у системы. Парадигма «Раб-Господин» сменила имя на «Сотрудник-Работодатель». Наемный труд — унижение человеческого достоинства.

Кто-то сказал, что если существует бог, то нет человека. Я могу сказать то же о Государстве. Я верил, что Человек достоин большего. Я достоин большего. Государственный строй всегда основан на подавлении личности. Система порождает неравенство среди людей. Мы живем в мире, где небольшая группа, состоящая из элит, наслаждается плодами труда всех остальных. Ни о чем не подозревающее большинство существует в качестве кукол в руках элит. Оно существует, чтобы работать и размножаться, поддерживая, таким образом, этот цикл. Всякое независимое начинание, здесь подавляется и искореняется в зародыше. Законами и обычаями государство подавляет волю человека и ограничивает набор разрешенных ему действий. Я по-

нимал, что с системой невозможно бороться, и всю жизнь старался избегать ее.

Мне было тесно в общественных рамках. Я хотел жить без лидера, без правителей и представителей. Мной не надо управлять, мне не нужны представители, я представляю и управляю собой сам. Меня не нужно воспитывать, мне не нужна ваша помощь. Я не нуждался в клоунах из телевизора, которые бы научили меня жить. Проблема была в том, что остальные нуждались в государстве. Они не могли сами решить, что делать со своими жизнями. Им нужен был кто-то, кто указал бы им путь и дал одобрение их образу жизни. Найти в себе силы, чтобы быть собственными менторами, они были не в состоянии. У меня не было другого объяснения, почему люди так легко признали свое положение.

У меня нет мировоззрения. Я никогда не мог подписаться ни на какую идеологию. Надо мной нет авторитета или покровителя. Я сам по себе. Мировоззрение не позволяет развить свой собственный взгляд на мир. Все идеи о мире, о месте и назначении человека только лишают мир загадки и опосредывают самого человека. Я всеми силами хотел избежать влияния, укрыться от рекламы, вырваться из рук идеологии и противостоять пропаганде. Мне казалось, на меня, как лавина, накатывался чуждый мне образ жизни. Я стремился сам создать свою жизнь. Я не хотел ни следовать, ни вести, я хотел жить. Мне нужно было выйти (ес-

ли это вообще возможно) за пределы человека, найти опору за пределами обыденного. Я желал прожить настоящей жизнью. Однако антропоморфизм моего мышления не позволил мне этого достичь. Как бы сильно я не хотел абстрагироваться, я все равно ощущал внешнее влияние на себя. Я выстраивал себя вопреки обстоятельствам, все равно находясь у них в подчинении. Я уже не мог мыслить независимо.

Итак, родившись в определенный контекст, я поставил себе почти невыполнимую задачу: вырасти и выстроить свою личность независимо от обстоятельств, какими непреодолимыми бы они ни казались. Всю жизнь я провел в борьбе с этими обстоятельствами. Мне было тесно в рамках общества. Я хотел жить независимой жизнью и отстоять для себя, как можно больший коридор свободы. Я добился определенного успеха, однако мне пришлось заплатить за это.

VI

Той же ночью вернувшись от Маши, Максим сидел на кровати и слушал музыку. Он не думал ни о чем конкретном. Он думал, только потому, что не мог не думать. Перепрыгивая с мысли на мысль, он вспоминал детство, свою первую работу, время, проведенное в Москве. Жизнь, как кинофильм, протекала перед глазами. Он просто зритель.

«Если бы можно было, то я бы всю жизнь просидел вот так, наслаждаясь музыкой». Он обожал музыку, она была его единственной отдушиной. Музыка выносила его из мира, он

забывал о тревогах и волнениях. Она существовала без слов, сама по себе. Она возникала ниоткуда, для самовыражения ей не нужен контекст. *Подлинность* была ее сущностью.

–А дальше-то что? – вдруг спросил он вслух, как будто встрепенувшись ото сна. – А что остается? Как ты и думал, самоубийство.

Сегодня он собирался закончить этот цирк, поэтому и не вышел на работу. В последний день у него не было обязательств ни перед кем. Самоубийство было его последним прибежищем на случай, когда станет совсем неспособен. «Если к тридцати я по-прежнему вынужден существовать за счет зарплаты, я закончу это все». Ему было двадцать семь, а он уже не мог продолжать. Для чего терпеть? Жизнь подавила его своей абсурдностью. Самоубийство виделось как единственный логичный и *достойный* выход.

Максим не мог решиться. «Ты же любишь жизнь, любишь смех. И из-за чего заканчивать?» – спрашивал он себя. «Система?» – Максим презрительно усмехнулся.

Он всю жизнь искал свободу, а нашел Ничто. Свобода оказалась вакуумом, в котором ему было невыносимо жить, Максим считал это своей слабостью. Не принимая общественных ценностей, он не мог *создать* своих собственных. Ему трудно было жить в этой пустоте. У него не было иллюзий по поводу жизни, она трагедия и величайшее счастье в одном флаконе. Он давно понял это и не знал, как продолжать жить в этом мире. В мире, где люди не видели своей

жизни, своего мессианства, своей роли в мироздании, где забыты Вечность и Небо. В этом мире ему не было места, он всегда это чувствовал.

Отчаяние нахлынуло на него. «Безысходность, – повторял он, безысходность». Максиму было противно. Тошнота. Он открыл окно, воздух подействовал освежающе.

«Никто не обещал Смысла, никто не обещал Свободы. Никто не виноват, что твои иллюзии рухнули. Жизнь перед твоими глазами, она, такая как есть, ничего не изменить. Один шанс и никогда больше». Он смотрел из окна во двор, на детской площадке было пусто. Ему хотелось закричать изо всех сил: «S.O.S, здесь человек сгорает от отчаяния, П-О-М-О-Г-И-Т-Е». Максим знал, что ответа не будет. Они все равно не смогут ему помочь и не поймут в чем дело. Он приговорен к одиночеству.

Максим снова сел на кровать. Затем закрыл глаза и выключил музыку. Сейчас или никогда. Неужели все? Нужно было принимать решение, он колебался.

«А что мне остается? Литература – фикция, выдумка. Книгой ты не выразишь себя и тем более не вдохновишь никого. Твои книги имели бы эффект лайка в инстаграмме. Они бы стали еще одним наименованием в торговом центре среди тысячи других, их бы просто не заметили. Книгами не изменишь мир. Мир вообще не изменишь».

Всю жизнь Максим боролся с обстоятельствами методами, не пригодными к борьбе. Сейчас он дошел до точки,

когда у него больше не было сил продолжать. Он не может бороться с жизнью, ему нечего было больше предложить. Смерть – окончательный бунт против жизни. Только смертью Максим сможет доказать, что он всерьез.

Все людское – ложь. В их мире Максим не отыскал правды, не нашел спасения. Не существует любви – она ложь и самообман, она дает иллюзию нужности и скрывает природное одиночество. Людей тоже нет, они продали свои жизни взамен на отрывки смыслов. Нет Церкви и Государства, глуп тот, кто по-прежнему в них верит. Они фальшивки. Они тут, чтобы грабить, убивать и обманывать. Человек для них товар и скот, его нужно растить и воспитывать посредством лжи и насилия.

Из этой пустоты, из этой искусственности, из этого обмана Максим видел для себя только один выход. Он порывает с «человеческим», с культурой, с устоями. Убивая себя, он убьет человека «современного». Он берет на себя роль судьи и приговаривает современность к высшей мере. Его самоубийство – убийство религии, государства, прогресса. Максим отрицает судьбу, человечество, цивилизацию и мир. И это отрицание он выразит своим самоубийством.

Он своей жертвой искупит грех трусости и предательство против человеческого духа, совершаемое людьми. У него нет времени, чтобы начать сначала, да и желание обманываться он растратил. Все его иллюзии рухнули. Самоубийство – единственный *настоящий* поступок в мире фальши. Смерть

возносит человека над природой, временем и материальным миром. Все остальное – ложь и позерство. Максим видел величие в трагедии, в нереализованности и смерти, в мечтах и стремлениях и даже одиночестве. Нельзя бояться печали и обреченности, только в них есть правда.

Максим неподвижно сидел на кровати. Разглядывая голые стены комнаты, давившие его своей обнаженностью и продолжая размышлять, он что-то внезапно почувствовал:

«Для чего? Жизнь – сон, иллюзия, воспоминание. Неужели ты так этого и не понял? Вся та дребедень, в которую ты верил, это все *воображение*. И ты верил – он продолжал, ты верил в..., ты слишком серьезно воспринял жизнь, в этом вся проблема. Жизнь ничего не значит, здесь просто не о чем волноваться. Каждая книга, которую ты прочел, каждая твоя мысль, они абсолютно ничего не значат. Смысла не существует, все это игры разума и словесные каламбуры.

Ты всю жизнь потратил на свалке идей, в поиске одной единственной, что спасла бы тебя, дала бы жизни смысл. Ты верил словам – твоя ошибка. Ты застрял в той же ловушке, что и все остальные. Ты верил если не в абсолютный Смысл, то, как минимум, в смыслы. Ты так и не вышел за пределы языка. Ты презирал ложь, насилие, лицемерие. Ты верил, что ты настоящий и отрицал все, что тебе преподносилось как Истина. В итоге ты построил свою индивидуальность вокруг отрицания, что привело тебя к самоубийству, как к квинтэссенции отрицания.

Ты продолжал *играть*».

Последней фразой он поставил себе диагноз. Максим понял, что до этого момента все еще видел себя частью мира. Несмотря на то что он ненавидел игру, он тем не менее продолжал играть и все еще надеялся, что сможет повлиять на ее ход. Самоубийство было бы его *реакцией* на Систему, и в нем не было бы ни грамма «настоящности». Оно такое же позерство и притворство, как и все остальное.

В этом мире не может быть ничего настоящего, каждое действие тут не рассматривается само по себе, оно скорее является следствием другого действия, придающего ему свою окраску и лишаящего его независимости. Даже смерть утратила свою независимость, она встроена в Систему. Его мертвое тело *осталось* бы в Системе, его бы мыли, одевали, отпевали и хоронили. Даже мертвому ему не избежать условностей.

Смерть стала обыденностью.

Самоубийство было бы сдачей, признанием реальности Системы и важности этого мира. Отрицание – согласие с тем, что есть что-то, что можно отрицать. Оно признак вовлеченности. «Ты никогда не будешь собой». Максим чувствовал сильнейшее отвращение, только он сам не мог понять к чему. Видимо к самому себе.

Максим выходит из игры. Свободный человек не кончает жизнь самоубийством. Ему нечего доказывать, потому что у него нет ожиданий от жизни. Он не участвует, а наблюда-

ет. Ему нечего терять, так как он ни к чему не стремится. У него нет призрачных ориентиров, ему не с кем бороться. Максим больше не боится смерти и одиночества. Отнюдь, отныне они его величайшие добродетели, в них он проведет остаток своей жизни и обретет свое существо. Максим выходит в Пустоту, т.е. в реальность. Самоубийство не возвысило бы его над миром и не выразило бы его презрение к «человеческому». Оно было бы трусостью и игрой.

Максиму нужно было отвлечься. Он поднялся с кровати, подошел к столу и взял файл со своими бумагами. В первом файле была его, так и неопубликованная, статья, написанная несколько лет назад. Максим решил перечитать ее:

«Манифест Анархиста»

Введение

Я хочу заявить, что считаю государство не только необязательным, но даже вредным институтом в обществе. Государством я называю совокупность механизмов, используемых правящей элитой для поддержания остальной части населения в состоянии «добровольного» подчинения. В этом тексте я опишу свое видение государства и приведу примеры его преступных действий, а также попробую описать план действий для таких же, как я не согласных с текущим положением вещей.

Я не претендую на объективность и не считаю анализ, мной приведенный, окончательным. Мой текст – попытка возродить, забытый сегодня дискурс о роли и назначении го-

сударства.

Нельзя отрицать, что в наше время государство проникло во все области человеческой жизнедеятельности. Оно буквально пронзило собой все сферы жизни. Оно использует механизмы контроля (о них ниже) для «выращивания» человека и «подгонки» его под определенный стандарт модели поведения. Внутри современного общества эти модели навязываются через СМИ, систему образования и другие государственные институты. Отвергнуть спущенную на тебя модель не представляется возможным, средства государства по поддержанию своего доминирования практически не ограничены.

Задача анархиста, на мой взгляд, выработать независимую от государства модель жизни, и в процессе выработки попытаться деинституционализировать человека. Первым делом, начав с самого себя и своих близких, нужно расширять сферы своего влияния любыми доступными средствами. Также нужно показать, что существующая сегодня государственная система работает исключительно в интересах людей ее возглавляющих. Единственная ее цель состоит в поддержании действующего порядка. Система не обеспечивает своих подданных возможностями к самореализации. Человек, находясь внутри нее, живет в оковах с самого первого и до последнего дня своей жизни.

Мы будем действовать ненасильственными методами, ведь современное государство обладает неограниченными

ресурсами подавления любого восстания. В игре насилия государству нет равного. Мы пойдем по пути атеистов в их борьбе со средневековой церковью. Методично, год за годом, мы будем демонстрировать преступления государства и разоблачать мифы о его полезности. Со временем наших единомышленников станет больше, и в определенный момент государство потеряет свое доминирующее место в обществе.

Природа государства.

Первые сведения, дошедшие до нас, о зарождении государственного строя приходят из Египта и древней Месопотамии. Традиционно главной причиной возникновения государства историками называется безопасность. Люди, до этого бывшие охотниками-собирателями, осели в плодородных районах, освоили агрокультуру и приручили животных. В новых условиях появился переизбыток продуктов, и людям понадобилась защита своих владений. Здесь-то государство выходит на сцену сыграть благородную роль защитника людей. Такова общепринятая версия.

Возникает вопрос: кто же были те люди, установившие «порядок»? Мой ответ: это и были те самые разбойники, от которых и требовалась защита изначально. Правящий класс состоял из наиболее сильных и организованных группировок, которым удалось подчинить себе остальных. Государство установило свою власть насилием и подавлением. Постепенно к этим двум добавилась культура (в широком

смысле этого слова), появились такие идеи, как: «власть от бога», патриотизм. Посредством культуры государство поддерживает себя в роли доминирующей силы.

История человечества.

Однажды установив свою власть на одном участке земли, правящая элита не остановилась на этом. В стремлении расширить сферу своего влияния, интересы элит неизбежно начали сталкиваться. Такие столкновения разрешались с помощью войн и кровопролития. Население воюющих государств оказывается заложником ситуации, чтобы выжить ему приходится убивать таких же невинных людей. То, что мы называем Историей, в основе своей состоит из таких войн элит. Постепенно вся территория земли была поделена между группами элит. Сейчас элиты больше не воюют друг с другом, они осознали себя как класс и действуют координировано в общих интересах. Государство – инструмент в их руках по охране, сложившегося в течение Истории, порядка.

Смена механизмов контроля.

Насилие и война относятся преимущественно к более ранним формам контроля. Хотя и в наши дни государство не брезгает этими механизмами. Однако сейчас оно хранит их в резерве для тех, кто смог пробиться через культурный механизм. С распространением средств массовой коммуникации на первый план вышел «культурный» контроль. С человеческого тела государство переключилось на чело-

веческий разум. Таким способом контроль осуществляется незаметно. Разум просто нужно «окультурить», то есть задать рамки того что, возможно мыслить. Чтобы самостоятельно выйти за эти рамки, требуется упорство и ясность мысли, на что, в свою очередь, требуется много времени. А поскольку время – самый дорогой сегодня товар, не каждый обладает им в количестве достаточном для прорыва из культурных рамок.

Культура – средство контроля; поле, созданное государством, внутри которого протекает человеческая жизнь. Ценности, смыслы и ориентиры, по которым человек ведет свою жизнь, создаются культурой, под контролем правящего класса. Культурное поле постоянно меняется и подгоняется под интересы правящего класса.

Обезличивание человека.

Внутри культуры человек обезличивается и лишается независимости. Человеческое мышление, вместо активной машины созидания, превращается в пассивный ретранслятор и носитель доминирующих культурных ценностей.

Культура «подгоняет» людей под определенный стандарт, каждый отдельный человек низводится до функции, исполняемой им в системе. Человек становится заложником этой функции, в процессе жизни функция заменяет самого человека. Таким образом, тормозится развитие всего человечества. В этой среде люди не могут развить свой потенциал, больше не рождаются новые идеи, теории. Госу-

дарство становится единственным производителем идей, направляя человеческий потенциал в нужном ему направлении. Идеи, как семена, вбрасываются в общество, государство не только заранее знает, что из них может произрасти, но и тщательно наблюдает за этим процессом. Для естественного развития человека нужно устранить рамки, заданные правящим классом. Только тогда человек сможет свободно и независимо развиваться и при этом наслаждаться жизнью.

Государство как причина отрицательной селекции

Государство, вознаграждая определённые качества в человеке (послушание, конформизм, приспособление), выращивает определённый тип человека. В то время как люди, способные к критическому мышлению и стремящиеся к независимости, отбрасываются системой. Не имея возможности реализовать себя в системе, независимо-ориентированная часть населения, либо сдаётся, и, забросив свою независимость, встраивается в общество, либо оказывается исключённой из социума. Тогда как люди, готовые получать приказания, достигают в системе больших успехов.

Неравенство.

Государство делит людей на управляющих и управляемых, неравенство – неотделимая часть системы. В системе появляются люди, дающие распоряжения и принимающие приказания. Для сохранения этого статуса кво, элита нанимает выходцев из нижних классов для охраны и непо-

средственного управления системой. Мы говорим не только о полиции и армии, но и о «культурной» охране: журналисты, профессора. К этой категории также относятся управленцы среднего звена.

Таким образом, общество делится на три больших класса (каждый класс можно разбить на подклассы):

1. Элита или высший класс, 0,5 – 1,5 % населения, владельцы природных ресурсов, земли и средств производства.

2. Управленцы или средний класс, 10-20% населения. В зависимости от национальных особенностей численность этого класса варьируется. Сюда относится широкий набор ролей в обществе, от министра до предпринимателя средней руки.

3. Низший класс, примерно 80% населения. Эти люди, собственно, и выполняют настоящую работу. Они водят автомобили, охраняют склады, стригут газоны, моют посуду и так далее.

Итак, элите нужен средний класс для управления системой. Также в задачи управленцев входят воспроизведение и обоснование Системы. Воспроизведение обеспечивается несколькими способами:

Пропаганда: Система образования формирует мировоззрение и знакомит с «правилами игры». С раннего возраста ребенок «вводится» в мир. Школа знакомит и преподносит как норму и необходимость ряд социальных явлений. В школе человек впервые сталкивается с иерархией, дисциплиной,

жизнью по расписанию, конкуренцией. Школа внедряет эти понятия в «культурный ДНК» каждого отдельного ребенка.

Индустрия масс-культуры создает информационно-новостной пузырь, доступ к которому осуществляется через интернет, ТВ и т.д. Образуется своеобразная сеть, через которую распространяется актуальный на сегодня культурный код, формирующий повестку дня.

Экономика: Пользуясь своей монополией на создание денег, государство, с помощью налогов, пошлин и штрафов, создает спрос на свои банкноты. Поскольку низший класс не имеет ничего, кроме своего тела и времени, ему, для получения доступа к деньгам, приходится, продавая свою энергию и время, присоединиться к рабочей силе. Жизнь от зарплаты до зарплаты не позволяет людям развить свой собственный, независимый от государства, образ жизни. Своей экономической политикой государство «незаметно» регулирует и управляет жизнями своих граждан.

Насилие: Для тех, кто не верит лжи и имеет средства к существованию (чаще всего недовольные представители высшего класса), государство применяет насилие. Вооруженные силы охраняют элиты от внешнего посягательства, в то время как полиция и несчетное число секретных служб следят за «порядком» внутри страны.

Идейным обоснованием всего этого занимается интеллигенция, она производит философские системы, политические учения и религиозные трактовки жизни. Низшие клас-

сы поглощают эти идеи и управляются посредством этих идей.

Человеку не остается выбора, он автоматически при рождении вписывается в систему. Даже если он не доволен системой, вышеуказанные механизмы не позволяют ему ее «покинуть» и жить свободной и независимой жизнью.

Заключение

Итак, что же остается нам, не готовым принять свое положение? На этот вопрос попытаюсь ответить в заключении.

Многое зависит от того, на что лично каждый готов пойти. Мы должны понимать, что борьба с системой может стоить жизни. Как минимум нужно готовиться к тому, что у нас не будет «нормальной» жизни, то есть не будет дома, семьи, машины. Но они нам и не нужны, мы стремимся к свободе.

На самом деле мы можем сделать не так много. По сути, мы можем создать новый культурный код, где человек и свобода ставятся во главе. Мы должны распространять наши взгляды всеми доступными средствами. Нам нужно возродить традиции наших предков. Анархистское движение существовало на протяжении всей истории человечества. Мы должны возродить и развить его. Каждый сам определяет свою роль в этом движении, я выступаю за любые, даже радикальные меры борьбы. У нас не будет лидера, иерархии или устава. У нас одна цель: Человек и его Сво-

бода. Мы не хотим управлять и быть управляемыми, мы верим в равенство и Свободу. Теория малых дел, не подчиняйся и распространяй свои взгляды. Мы должны вернуть планету людям. Высвободить человека из оков государств, религий и идеологий. Мы привнесем Свободу в мир и остановим эволюцию Человека Разумного в Человека Системного. Наша задача запустить эволюцию Человека Свободного.

Но для начала Государство должно быть уничтожено!»

Дочитав статью, Максим сел на кровать. Ему было грустно, он как будто встретился с собой из прошлого. Тогда он еще был кем-то. Он мог сказать: «я – анархист и верю в это и это». Мир был намного проще. Сейчас он не знал, кто он и что ему делать. Даже его слова, пусть справедливые, утратили значение. Он вышел из культуры и потерял свое существо. Сейчас он сам ретранслятор, ни одна *его* идея на самом деле не его. Все, что он знает, и думает, что знает, рождено от привнесенного снаружи. Он часть атмосферы, состоящей из идей, часть, которая поглощает эти идеи и, пропуская через себя, выпускает их обратно в атмосферу. Ничего нового и подлинного эта часть не производит.

Желание написать что-то, хотя бы строчку нашло на Максима. Он очень хотел выразить то состояние, в котором находился. За полчаса он написал стихотворение:

Я жил один среди людей и много думал ни о чем.

Уснуть не мог в тиши ночей от мысли, что когда-то все умрем.

В пустыне дней ходил один, искал следы души своей.
В потоке городских машин терялась сущность у вещей.

Я воспарить хотел над миром, хотел открыть секрет науки.

Мой поиск был простым капризом и лишь принес сомнения и муки.

Открыть загадку жизни чтобы, потратить нужно больше века.

Достичь желанья своего мне не позволила природа человека.

Принять не мог судьбы свой рок, сломать Вселенную хотел.

Найти бы друга, кто помог, в течение жизни не сумел.

Найдите смысл мне, прошу. Я потерялся в пустоте.

Я одиночество свое не выношу, спасенье вижу лишь во мгле.

На этой брошенной планете влачил свое существованье.

И осознанье бренности всего дало мне мира пониманье.

И в поле чистом, бесконечном, где ветер беспрепятственно гулял,

Вдыхая воздуха порывы встречные, я окончательно познал,

что в этом теле-оболочке, до самой смерти я застрял.

Я вижу смерть как избавление, смерть против жизни преступление.

И я преступник окаянный, спешу принять исход желанный.

Ничто манит мое сознание, жизнь есть сплошное наказание.

Я вместо жизни одинокой, хочу в могиле спать глубокой. Максим взглянул на часы, шел уже третий час ночи. Осознав, что уже очень поздно, он решил готовиться ко сну. В этой обстановке не возможно было вынести ни секунды больше.

– Как же я устал. Спать, – повторял он, – спать.

VI

Максим плохо спал той ночью, ему снился кошмарный сон:

Его разбудил шум неизвестного происхождения. Открыв глаза, он не мог понять, что он и где находится. Он лежал в кровати рядом с девушкой и почему-то знал, что ее зовут Маша. Они оба лежали обнаженные, и эта нагота вызывала у него неприязнь. Он осмотрелся: в комнате была кровать, окно и зеркало, пустые стены с отклеившимися обоями, как будто когда-то комната было залита водой. Пахло гнилью. Он поднялся и начал одеваться, ему было неприятно его тело, оно было неуклюжим, сдерживало его порывы, пахло потом. Сумасшедшая мысль покинуть это тело внезапно посе-

тила его.

Шум доносился с улицы. Он подошел к окну: комната, как вагон, стояла на небольшом возвышении прямо на земле и была окружена людьми. Они были везде, в каждом направлении, тысячи, миллионы людей. Он не мог понять, где находится и что происходит. Люди до самого горизонта заполнили собой все видимое пространство.

Он обернулся и посмотрел на Машу, она все так же продолжала спать, шум ее совсем не тревожил. Ему захотелось вернуться в постель, лечь рядом с ней и просто лежать, забыть об этом шуме. В комнате было так тихо и спокойно в сравнении с суетой на улице. Однако он не мог оставаться на месте, тревога не позволяла ему бездействовать. Он хотел узнать, что происходило снаружи. Он, недолго думая, выпрыгнул прямо в толпу. Он упал на землю и больно ушиб локоть при приземлении. Несколько минут он не мог подняться. Люди продолжали идти, многие наступали прямо на него, некоторые кричали и требовали, чтобы он убирался с дороги. Они называли его Максим, он никогда не слышал этого слова, но продолжали и продолжали его так называть. Он не мог понять, откуда они все его знают.

Через несколько минут он сумел встать на ноги. Оглядев-шись, он увидел, что все шли в одном направлении, неизвестно куда и зачем. Невозможно было ничего разглядеть, бесконечный поток людей плыл в одном направлении. Тяжело было разглядеть их лица, они все слились воедино. Толпа

увлекала его за собой, но он почему-то чувствовал, что ему не надо следовать за ними. Он желал разобраться, что происходит, а не просто следовать. Ему было интересно, как он здесь оказался. Чувство тревоги только усилилось, ему хотелось бежать.

«Главное не слиться с толпой. Куда они все идут?»

Он отчаянно бросился бежать в противоположном направлении. Постоянно врезаясь во встречных людей, он бежал, не оглядываясь, что есть силы. Он бежал так долго, что начало смеркаться. Постепенно толпа начала редеть, все меньше и меньше людей шло на встречу. Немного успокоившись, он перешел на шаг. Наконец вокруг почти никого не осталось и он отчетливо смог разглядеть, что происходит.

Он обернулся и видел огромную массу людей, они все слились в одно целое, было невозможно различить отдельного человека в этой массе. Повсюду среди людей стояли огромные экраны, на которых были изображены указательные стрелки. Как только люди подходили к экрану достаточно близко, стрелка меняла свое направление и толпа разворачивалась в обратном направлении.

– Как глупо, – проговорил он вслух.

Пройдя еще метров сто, он наткнулся на бесконечный за-слон из людей в камуфляжах. Они стояли в один ряд, преграждая путь, их невозможно было обойти. Он посмотрел по сторонам: бесконечный ряд камуфляжей тянулся во всех направлениях. Он подошел к ним вплотную: они были похо-

жи на роботов, на лицах ни одной эмоции, они смотрели мимо него. Он попытался проскочить мимо заслона, как вдруг один из охранников с чудовищной силой толкнул его в грудь. Он повалился на землю, ему было нехорошо, его тошнило.

– Выпустите меня! – закричал он что есть силы. Ответа не было. Оставьте меня одного! – он задыхался.

Сюрреализм. Как такое вообще возможно? Выхода не было. «Неужели я здесь навсегда?»

Максим лежал на земле с закрытыми глазами, стараясь отдышаться. Он уже сожалел, что покинул комнату. Набравшись сил, он открыл глаза: толпа надвигалась на него. Максим пытался подняться, ему с трудом это удавалось, земля, внезапно превратившаяся в жигу, затягивала его. Повернув голову, он увидел, что люди совсем исчезли, осталась огромная серая масса, закрывающая собой весь горизонт. Эта масса стремительно двигалась в его направлении, она вот-вот задавит его. Ужас сковал все движения. Максим перестал бороться. Он сдался...

Я

Я не смогу объяснить, что такое «Я». Мне проще определить, что не есть «Я», хотя все эти не – «Я» в то же время образуют меня. «Я» не это тело, не эти мысли, не этот текст, который является единственной реальностью для меня в данный момент. «Я» не эти слова и не язык. Язык выстроил стену между мной, моим мышлением и миром.

«Я» рождается где-то в этом треугольнике. Язык – продукт людей, впуская его в себя, мы навсегда отдаем частичку себя и позволяем внешнему участвовать в формировании нашего мышления. Мы мыслим и воспринимаем себя через чуждые нам слова, обращая наш неповторимый внутренний опыт в общепринятые знаки и клише. Чтобы увидеть себя, нужно для начала научиться отделять себя от языка.

Меня всегда волновало, насколько я на самом деле осознаю себя. Мне только казалось, что я полностью осознаю себя, но как я могу быть уверен? Возможно ли самому определить свой уровень самосознания? Я боялся прожить, так по-настоящему и не узнав себя. Мне хотелось выйти за концепт «Я» и увидеть подлинное «Я», не зависящее от обстоятельств и физической реальности. «Я» это то, что появляется ночью, когда я закрываю глаза, лежа в постели. Оно не тело и не слова, оно источник, из которого я весь происхожу. Этот источник можно назвать душой. Для меня «Я» – это такое трансцендентное око, беспристрастно наблюдающее за миром явлений. То чувство, что я называю «Я», безлично, в нем нет ничего, сугубо только мне одному присущего. Оно бессознательно, оно энергия, слепая воля к жизни.

Находясь среди людей, я только удалялся от этого источника жизни. Среди людей душе не было места, этот источник невозможно было выразить в мире людей. Они отвлекали меня, сбивали с пути, подносили суррогаты смыслов. Они определяли меня как сына, ученика, сотрудника. Я

воспринимал это как вторжение в меня. Люди поставили невидимый барьер между мной, как они воспринимали меня, и мной настоящим. Прорваться к настоящему «я» было моей единственной целью. Я хотел выстроить себя независимо от внешних обстоятельств и быть своим собственным творцом. Подлинность была единственным идеалом, к которому я стремился.

Свой путь я начал с демонтажа своего социального «я». Как мозаику я разбирал на части свою личность. Постепенно убирая деталь за деталью, «Я» социальное начало исчезать. У меня осталось только чувство, что я это я, та самая воля к жизни. Это чувство было дано мне изначально и следовало за мной всю жизнь. Я пришел к выводу, что «Я», как мы обычно его понимаем, то «Я», что живет в мире людей, рождается только в определенном контексте. Каждое такое «Я» – это продукт конкретных жизненных обстоятельств и событий. Оно – продукт языка, культуры, истории и общества. Оно не подлинно и появляется под воздействием внешних обстоятельств. При смене обстоятельств, меняется и «Я». И поскольку я был вынужден жить в социальном «Я», я начал ощущать какую-то отчужденность к самому себе. Только со временем я осознал ее причины. Всё внутри меня, даже самое глубокое и дорогое мне, в конечном счете, не я.

Таким образом, избавившись от социального «Я», я оказался в своеобразной пустоте. В процессе деконструкции

идей, на основе которых строилось мое мышление, я дошел до черты, дальше которой невозможно было идти. Я оказался на границе мысли. Не было уже слов, которые бы могли описать мое состояние. Сами слова потеряли свой смысл, если вообще когда либо, имели его. Разрушив хрупкий фундамент своей мысли, я закончил, в буквальном смысле, нигде. Осталось пустое осознание самого себя и ничего больше.

В этой пустоте не просто жить. Порой мне становится скучно. Мне уже мало что интересно, Быт подавляет меня. Внутренняя пустота, разрастающаяся с каждым днем, действует удушающе. Мне не хватает свежести мысли. Мои мысли – жвачка, которую я жую из минуты в минуту, день изо дня, повторяются уже по десятому кругу. Временами я устаю, и мне не хочется продолжать. В этот раз я начал вести дневник в надежде что, высказав свои мысли на бумаге, я найду выход из своего положения. Что, проследив свой духовный путь, я найду зацепку или найду что-то, что выведет меня к свету.

Меня уже не привлекает то, что я любил раньше. Несмотря на это, я по-прежнему много читаю, учу новые вещи. Но сейчас я делаю это без надежды на достижение какого-то результата, без конечной цели. Я заполняю пустоту, возникшую внутри меня. Я больше не надеюсь найти себя, или достичь просвещения. Я знаю, что обречен на одиночество и скитания. Я, скорее, привыкаю жить в новом

мире. В мире, где нет Надежды. Оказалось, что Свобода и Пустота идут рука об руку. К ним нужно быть готовым. В то же время я впервые в своей жизни чувствую себя свободным, я живу своей жизнью, ожидания больше не давят на меня. Я создаю себя день изо дня. У меня нет планов, каждый новый день – сюрприз для меня. Я больше ничем и никому не обязан. Не существует идеалов, к которым я должен стремиться, соответственно мне нечего терять. Я понимаю, что укрылся в Одиночестве от мира, но мне комфортнее одному. Я один, потому что, один понимаю ценность свободы. И пусть в этой свободе трудно, и пусть я сам не знаю, куда меня выведет этот путь. Я готов прожить так до самого конца.

VIII

Следующие две недели Максим работал без выходных. На работе его *простили* с условием, что за каждый прогул он отработает по два дня. Максим работал с утра до вечера, времени не оставалось больше ни на что другое. Так проводил он свои дни после «кризиса». В последний рабочий день перед выходным он закончил в три пополудни. Ровно в 3:10 он уже вышел за проходную. На пути домой Максим размышлял о происшедшем с ним за последнее время.

Порвать с этой жизнью не получилось. Максим на время отложил идею самоубийства. Он перенес дату на свое тридцатилетие, тогда он снова будет решать. Сейчас же он продолжит жить как раньше, в безнадежном поиске. Он знает,

что обречен на провал и забвение, Максим больше их не боится, теперь в них он обретает свое существо.

Помимо того, что он просто любил жизнь, которую не так просто прервать, самоубийство казалось ему еще более бессмысленным, чем продолжение жизни. Из двух бессмысленностей он выбрал наименьшую. Он даст жизни шанс и подождет еще несколько лет. Ему некуда торопиться. Случившееся добавило ему жизненных сил, не смотря ни на что, хотелось пережить как можно больше. Раньше он хотел понять, сейчас было достаточно просто быть. Мир оказался слишком тесен для него или скорее в мире не было того, что он искал. Мир без Истины. Жизнь была чем то, что не поддается пониманию.

Максим не представлял, как будет жить дальше. Он знал, что застрял в своем положении навсегда. Ему придется играть и подстраиваться, он не сможет избежать социального контроля. Он погрязнет в мелочности, начнет размениваться по пустякам, он заключенный в обществе. Он будет отбывать свою роль и не сможет быть собой. Ему будет невыносимо и горько жить. Он никогда не достигнет свободы и не удовлетворит своих внутренних порывов. Он обречен на страдания из-за того, что не видит возможности к самореализации. Его дальнейшая жизнь не будет счастливой, его социальное положение никогда не позволит ему достичь идеалов, к которым он так отчаянно стремится.

Конечность его жизни, его ограниченность во времени и

пространстве столкнулись с Вечностью, и эти две сущности нельзя было примирить. Он временность, непостоянность, он антитеза Вечности, он мал, ничтожен и бессилён. И в то же время он существует внутри Вечного, и Вечное существует в нём. Он частичка Вечности, и эта частичка и есть его жизнь.

«В бессмысленной вселенной навсегда обречённый на одиночество, лишённый шанса на свободу, я проведу остаток своей жизни. Чуждый самому себе, я буду в вечном поиске, в вечном стремлении стать чем-то превосходящим то, что я есть и чем могу быть. Затем придёт смерть, как насмешка надо мной, вместе с ней исчезнут все мои желания, стремления, все ошибки и попытки. Она сотрет меня в порошок, уничтожит, не оставит даже воспоминания от меня. Пусть так. И я не могу ничего изменить. Я останусь простым наблюдателем. Я буду верен себе. Мне ничего больше не остаётся».

Смерть

Мне представляется, что мы не любим говорить о смерти по нескольким причинам. Во-первых, мы не знаем, что такое смерть, во-вторых, смерть – это наиболее интимное и личное понятие для многих из нас. Не мной замечено, что мы не имеем опыта смерти. Поэтому, мы просто не представляем, что смерть есть. Смерть – неизвестность, говорить о неизвестном не возможно. Вследствие этого мысль о смерти парализует и заводит в ступор. Смерть случится с

каждым из нас, а мы и понятия не имеем что она такое. Мы делаем вид, что смерти нет. От страха неизвестного, произошли ритуалы, которыми мы окружили смерть. Эти ритуалы скрывают, выдавливают смерть из повседневности, из человеческого разума. Я говорю не только о религии, но и о приметах и обычаях. Все они, на мой взгляд, наши ответ смерти. Образ жизни каждого человека можно рассматривать, как его ответ на осознание собственной смертности. Жизнь – это история, которую человек себе рассказывает, чтобы забыть о смерти.

Я никогда не боялся смерти. Ее боятся те, кто привязан к жизни. Я же никогда чересчур не заикливался на жизни, поэтому мне не жалко ее потерять. Мне не будет больно за бесцельно прожитые годы, поскольку я не верил в цели. Жизнь всего лишь мгновение. Ничто до, Ничто после.

Мой мир во многом строился вокруг смерти. Я воспринимал жизнь через смерть. Она была тем контекстом, через призму которого я смотрел на свою жизнь. Смерть была мерой, которую я применял для того, чтобы оценить значимость той или иной вещи, того или иного события. Если мне казалось, что, что-то было не достойно смерти, я просто не делал этого. Торопиться, нервничать, ссориться, все это было мелко и недостойно в сравнении со смертью.

Смерть – выражение трансцендентного в материальном мире. Она превосходит обыденность, материю, время. Она рушит этот мир, лишает его сущности, правды и абсолют-

ности. Она единственная реальность, что еще существует в человеческой жизни. Смерть – кульминация жизни.

Осознав свою смертность, я начал бороться с чувством абсурда. Поскольку смерть лишила мир реальности, а вместе с ним исчезла и вера в мою реальность, я не знал, как продолжать жить в этом мире. Однажды почуввав леденящее дуновение Ничто, я еще при жизни наполовину пребывал в нем. Я также узнал цену времени. Время стало самым моим драгоценным владением и злейшим врагом. Оно день за днем съедало меня и мою жизненную энергию. Я соревновался с ним в неравной гонке, как сильно я ни старался, оно мчалось все быстрее. Время ускользало сквозь пальцы.

Смерть подарила мне меня, осознав смерть, я узнал себя. Я – это Смерть. Она единственное, что есть только у меня и случиться только со мной. Она выделила меня из мира и подарила сознание. Это осознание собственной смертности было и остаётся важнейшим опытом в моей жизни. Ничто больше не оказало такого влияния на меня, как эта реализация. Я до сих пор переживаю ее последствия. Тогда мой мир обрушился в одночасье. Все, что годами выстраивалось, испарилось. Я выпал из контекста, пробудился ото сна, в котором находился до того момента. Поскольку я умру, я никогда полностью не смогу ассоциировать себя с этим миром, с этим телом.

Если бы у меня был выбор: жить или никогда не родиться, я бы выбрал последнее. Жизнь по-настоящему меня не

зацепила. Я на нее не подписывался, прийти из Ничто только, чтобы уйти в Ничто, Абсурд. Все мои стремления и тревоги напрасны. Мне тяжело смириться с этим. Жизнь преподает мне урок смирения.

Я вижу смерть как пробуждение. Она разбудит меня ото сна жизни. Все, что волновало меня, все, чего я хотел, думал, к чему стремился, все это один большой сон. Смерть открыла мне на это глаза. Жизнь, в конечном счете, не стоит тех усилий, которые мы в нее вкладываем. Смерть – это избавление. Избавление от страданий, эмоций, надежд. Парадокс, но в смерти я вижу свободу.

Смерть закрывает дебаты о смысле человеческой жизни. Каждый, кто отрицает это, или лжеец, или трус. Что бы ты ни делал и как бы близко ни дошел до Истины, смерть вычеркнет тебя из жизни. Смерть исключает возможность смысла в этом мире. Смерть открыла мне новую перспективу и поделилась своей мудростью. Моя жизнь – разговор со смертью. Смерть – это Вечность.

Я простой наблюдатель, я смотрю на мир, а не принимаю участия в нем. Я не могу судить или повлиять на него. Я – свидетель бытия. Я удивлен, потерян и благодарен. Мир навсегда останется чуждым мне. Я навсегда останусь чужд миру.